

АНДРЕЙ

РОММ

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

ФОРТУНА ЛЮБИТ ОТВАЖНЫХ!

АНДРЕЙ РОММ

Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма

Андрей Ромм

Все поправимо, если любишь

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Ромм А.

Все поправимо, если любишь / А. Ромм — «Автор»,
2020 — (Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма)

ISBN 978-5-699-86020-3

«Любимый» – это когда хочется бежать навстречу, раскинув руки, даже если расстались всего на час. «Любимый» – это когда сердце бьется так, что вот-вот выпрыгнет из груди... Такого человека в жизни Елены, увы, не было. Случались любовники. Но это не одно и то же. Поэтому всю свою нерастраченную нежность обратила она на ребенка. Растить в одиночку всегда непросто. Особенно сына. Но, к счастью, отношения матери и Ромки строились на доверии и заботе друг о друге. Это и сыграло с ними злую шутку. Мальчик стал объектом преследования. Семь пар железных сапог стоптать, семь железных посохов изломать – на все готова Елена, чтобы защитить своего сына. Она пока не знает, что судьба воздаст сторицей тем, кто готов все отдать ради счастья любимого.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-699-86020-3

© Ромм А., 2020
© Автор, 2020

Содержание

1	6
2	8
3	13
4	19
5	23
6	26
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Ромм

Все поправимо, если любишь

«Если положение пасьянса сделалось безвыходным, тогда с оставшимися картами повторяют игру...»
Книга гаданий и пасьянсов 1900 год.

© Ромм А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1

У ефрейтора Лощина было прозвище Медведь. Новички удивлялись, потому что ничего медвежьего в поджаром и гибком Лощине не было. Он скорее напоминал рысь, и глаза у него были рысьи, зеленые с золотыми искорками. Новичкам объясняли, что Лощин любит придавить подушку. В свободное время кто байки травит, кто в карты режется, кто письма пишет, а Лощин спит. Потому и Медведь. Умен ефрейтор – сам спит, а служба идет. Сказал бы кто, что до призыва Саше Лощину было жаль тратить время на сон, что ложился он поздно, а вскакивал рано, так не поверили бы. А зря. Спать Саша полюбил только в армии, потому что сны уносили его домой, в родной Рогачевск, к Лене. Если бы Лена не снилась, то и спать было бы незачем. В снах Саша гулял с Леной по набережной, катал ее на мотоцикле, целовался с ней... Примерно раз в неделю он получал от Лены письмо. Тоже во сне. Наяву она не писала.

Не получив ответа на двенадцатое письмо, он сообразил, что к чему, и отправил тринадцатое не напрямую, а через лучшего друга Борьку Бакланова. Спустя три недели пришел ответ. Борька доложил, что передал письмо Лене в руки. Саша предупредил, чтобы Борька не вздумал отдавать письмо Лениной матери. Сашу она терпеть не могла, считала «неподходящей партией» и не стеснялась заявлять это в глаза. Как же! Мать Лены – директор школы, а отец – главный инженер хлебокомбината, интеллигенты при должностях, можно сказать, дворяне, а он – плебей, безотцовщина, сын торговки квасом. Лена смеялась, говорила, что мама у нее милая, но с чудинкой. Хороша чудинка! Чудинка – это когда человек ночью на звезды в бинокль глядит или замки из спичек строит, а чванство – отнюдь не чудинка.

Борька передал Лене восемь писем, которые тоже остались без ответа, а девятое прислал обратно. Написал, что Лена его не взяла – отвернулась и прошла мимо. А еще написал, что несколько раз видел Лену с Мишкой Баранником, сыном главного врача городской больницы. Мишка давно пытался ухаживать за Леной, но при Саше далеко не продвинулся. Лена его всерьез не воспринимала, и Саша однажды поговорил с Мишкой по-мужски, с глазу на глаз. Мишка взбрыкнул, обложил Сашу матом, начал махать руками и ногами, но он быстро доказал ему преимущество регулярных занятий боксом в спортивной секции над пижонским карате. А теперь, значит, Мишка воспрянул духом, распустил хвост и начал наверстывать упущенное. Лениным родителям он конечно же нравится. Человек их круга – сын главврача и заведующей сберкассой. Поступил в Твери в медицинский, будет врачом, как папаша. А Лена, при всей ее самостоятельности, все же мамина дочка. Мать для нее высший авторитет. Они целыми днями вместе, и мать контролирует каждый Ленин шаг. После того как Лена срезалась на вступительных экзаменах в МГУ, мать устроила ее к себе в школу помощницей библиотекарши. Саша часто видел во сне, как Лена с матерью утром вместе идут на работу, а вечером возвращаются домой. Обе высокие, рыжеволосые, красивые, очень похожие... Только стрижки разные: у матери короткая, «начальственная», а у Лены рассыпан по плечам солнечный водопад локонов. И взгляды тоже разные. Лена смотрит на мир широко раскрытыми глазами, доверчиво-восторженно, а мать слегка шурится и сверлит, сверлит взглядом, зрит насквозь, ничего от нее не скроется. Директор лучшей школы в городе. Мать лучшей девушки на свете...

После того как Борька вернул Ленино письмо, Саша решил сделать паузу. До отпуска. Лицом к лицу объясниться легче, чем в переписке. Саша был уверен, что им и объясняться не придется. Просто посмотрят в глаза друг другу, и Лена все поймет. Не сможет не понять.

С отпуском никак не складывалось, потому что в части меняли старую боевую технику на новую, и каждый человек был на счету. Процесс растянулся на несколько месяцев, но все когда-нибудь кончается. В день отъезда Саша получил письмо от Борьки. Короткое, из нескольких предложений. Обычно друг исписывал по три листа, передавая все городские новости, вплоть

до самых незначительных. Прочитаешь, и складывается ощущение, будто никуда из родного города не уезжал. А тут: «Привет, Сань! Как служба? Знаешь, Лена передала мне записку для тебя. Будь здоров! Борис».

Обрадовавшись так, что даже голова закружилась («Записка! От Лены!»), Саша развернул сложенный вчетверо лист. Развернул и замер, будучи не в силах поверить своим глазам. «Чем раньше ты забудешь о своих чувствах, тем лучше будет для тебя, потому что эти чувства ненастоящие». Одна-единственная фраза, точка в конце, и ничего больше – ни обращения, ни подписи. Но почерк, вне всяких сомнений, был Ленин, бисерный, четкий, с маленькими промежутками между словами. Лена не назвала его по имени, не подписала записку и не захотела ничего объяснять. Даже «извини» не добавила – обидно.

– Ты – уникам, Лощинин, – сказал командир роты. – Сначала из кожи вон лез, чтобы в отпуск пораньше уехать, а теперь вообще ехать не хочешь. Что случилось?

– Передумал, товарищ капитан, – коротко ответил Саша, не желавший вдаваться в подробности.

Подробностей командир роты не требовал. Передумал так передумал.

С того дня ефрейтор Лощинин резко разлюбил спать. Напрашивался на ночные дежурства (товарищи многозначительно переглядывались и вертели пальцами у виска – дошел человек), если не дежурил, то старался засыпать как можно позже, после отбоя читал украдкой или просто лежал с открытыми глазами и думал о разном, но только не о Лене. Но она все равно продолжала сниться. Во сне Саша ей радовался, а проснувшись, злился на себя за слабость. Мужчины не должны так себя вести. Ни к чему вспоминать то, что прошло. Ни к чему думать о том, что не сбылось. Отрезано так отрезано.

Ленину записку Саша зачем-то сохранил. Много раз собирался порвать или даже сжечь (зачем хранить то, что больно ранит?), но так и не смог. Рука не поднималась. Перечитывать тоже не хотелось – больно, да и незачем. И так все слова намертво врезались в память, как высеченные на камне. «Чем раньше ты забудешь о своих чувствах, тем лучше будет для тебя, потому что эти чувства ненастоящие». Как она могла? Кто дал ей право судить о его чувствах? Ненстоящие! Ладно, если она так считает, так тому и быть! Пусть чувства будут ненастоящими! Ненстоящее быстро забывается. Он все забудет. Он сможет. Хотя бы потому, что у него нет другого выбора.

Когда Саша вернулся домой после дембеля, Лена уже жила в Москве, училась в педагогическом институте. Саша до армии тоже собирался учиться в Москве, но сейчас решил поступать в университет в Саратове, где жил его армейский товарищ Раис Кобышев. Если в городе есть хотя бы один друг, то город уже не чужой. Матери объяснил, что в Саратове проще поступить, да и жизнь там дешевле, чем в столице. На самом же деле ему не хотелось учиться в одном городе с Леной. Вдруг они случайно встретятся, и Лена подумает, что... Вдруг от этой встречи полыхнет в душе пламя... Нет, если уж вычеркивать из жизни, так совсем. Навсегда.

2

Колокольчик, висевший на стене, звякнул два раза, оповещая о приходе важных гостей. Собственная сигнализация в кафе, в отличие от охранной, была механической – от барной стойки в директорский кабинет по искусно скрытому в панелях каналу тянулся тросик. Все, в том числе и сотрудники, считали, что хозяйка выдерживает единство стиля. Колокольчик с тросиком больше подходит к интерьеру девятнадцатого века, нежели электрический звонок. На самом деле причина была иной, глубоко личной. Елена предпочитала обходиться без электричества там, где это было возможно. Дома у нее вместо дверного звонка висело на входной двери тяжелое чугунное кольцо-стучалка, купленное на блошином рынке в Твери. Воду она кипятила на газовой плите в допотопном эмалированном чайнике, кофе варила в джезве. Навороченная кофеварка, похожая не на кухонный агрегат, а скорее на прибор из фантастической лаборатории будущего, включалась только по приходе человека, подарившего ее Елене на день рождения. «Лучше бы в Питер пригласил на пару дней», – подумала Елена, увидев на пороге любовника с огромной коробкой в руках, но приличествующий моменту восторг изобразила настолько убедительно, что он вдохновился и пообещал в качестве новогоднего подарка микроволновку. Елена ужаснулась (не притворно, а по-настоящему) и выложила все, что когда-либо читала или слышала о вреде СВЧ-излучения. Дело опять же было не в излучении, а в принципе, точнее, в ее личной странности, уходящей корнями в далекое прошлое. Но это было настолько личным, что им невозможно с кем-то делиться. Даже с сыном. Даже с любимым человеком. Впрочем, «любимым» Елена называла только одного человека, очень давно. Остальные были любовниками. Среди них попадались вполне хорошие, приятные во всех отношениях люди, но ни одного из них нельзя было назвать «любимым». «Любимый» – это когда подумаешь о нем и пасмурный день превращается в солнечный. «Любимый» – это когда свой и навсегда. «Любимый» – это когда хочется бежать навстречу, раскинув руки, даже если расстались всего на час. «Любимый» – это когда сердце бьется так, что вот-вот выпрыгнет из груди...

Проходя мимо висевшего на стене зеркала, Елена на секундочку остановилась, проверяя, все ли в порядке у нее с внешним видом. Секундочка растянулась на целых пять, потому что невозможно было не полюбоваться собой, такой стройной, красивой (чего стоили одни глаза, которые мама называла «небесно-голубыми!»). Кольнуло сожаление о давно остриженных волосах, но Елена привычно напомнила себе, что длинная грива, какой бы роскошной она ни была, старит, а короткая стрижка всегда молодит. Со стрижкой она в свои тридцать четыре (ах, подумать только – тридцать четыре!) выглядит на двадцать пять. Ладно – на двадцать семь, но ни годом больше! На прошлой неделе, когда они с сыном шли по улице, какой-то незнакомый мужчина, видимо, приезжий, сказал Роме: «Какая красивая у тебя сестренка!» Явно хотел познакомиться... Простодушный Рома поправил: «Это не сестра, а мама». Мужчина смутился. Елена потом шутила: «Ты мне всех женихов так отобьешь!»

Не отрывая взгляда от зеркала, она вздернула кверху подбородок, повертела им влево-вправо и вернула в исходное положение. Шея в порядке, значит – все путем. Ничто так не выдает возраст, как шея и руки. Но по поводу рук Елене еще рано было беспокоиться.

Колокольчик снова звякнул – «динь-динь-динь» – поторопись! «Неужели Сам приехал? – подумала Елена. – Тогда бы позвонили, Сам не любит приезжать без предупреждения...»

Принятые в городе правила хорошего тона требовали от директора заведения лично встречать высокопоставленных гостей. Не важно, что персонал, и без директора знавший, кто есть кто, окажет каждому положенное уважение, начиная с посадки за лучший столик и заканчивая скидкой. Важно, чтобы директор, она же хозяйка, вышла навстречу, поприветствовала, убедилась, что уважение дорогим гостям оказывается должным образом... И потом еще через

полчасика надо появиться в зале и осведомиться, все ли в порядке. Иначе решат, что Гурбина зазналась, обидятся и начнут создавать проблемы. Самой Елене как владелице лучшей едадьни в городе оказывалось примерно такое же уважение. В салоне красоты, в химчистке, стоматологической клинике и прочих местах к ней выходили хозяева-руководители. «Рады вас видеть, Елена Анатольевна! Только сегодня о вас думали! Проходите, присаживайтесь...»

– Рада вас видеть, гости дорогие... – певуче начала Елена, но тут же осеклась, потому что состав гостей был необычным, а выражение их лиц отнюдь не благодушно-приветливым, а деловито-сосредоточенным, стало быть, пришли не отобедать, а по делу.

Принятые в городе правила хорошего тона предписывали проверяющим предупреждать о своем приходе заранее. Нельзя обрушиваться на хороших людей внезапно, подобно Батыеву войску, наскочившему на Рязань, это не по-людски. В небольших городах тому, чтобы все было «по-людски», придается очень большое значение.

Гостей явилось восемь, и состав их был довольно внушительным, если не грозным. Длинный, как жердь, заместитель начальника управления Роспотребнадзора Гусев, круглолицая начальница отдела санитарного надзора Кулькова, похожая лицом и повадками на суетливого хорька начальница отдела защиты прав потребителей Ермакова, броская красавица-блондинка, начальница отдела эпидемиологического надзора Сараева, ее заместитель Дергунов, пытавшийся компенсировать свою молодость чрезмерно напыщенным видом, дородный и весь из себя основательный заместитель руководителя межрайонного следственного отдела Запрудин, знакомый Елене в лицо, но незнакомый по имени капитан полиции и корреспондент редакции «Рогачевские вести» Маша Щерба, девушка с лицом доверчивого ребенка и въедливостью старого следователя. Суммарный «должностной вес» пришедших превышал по значимости визит мэра города.

Сердце Елены тревожно сжалось. Сильнее всего ее обеспокоило присутствие Маши. Маша появилась в кафе «Старый город» впервые. Она предпочитала более современные заведения, такие, например, как клуб «For Sale», в обиходе называемый «Форсой», или бар «Джельсо-Мимо». И еще Маша не писала хороших статей и не делала дружелюбных репортажей. Она считала, что на «сиропах» (так Маша называла все благожелательные и нейтральные материалы) карьеры не сделать. Чтобы выдвинуться, надо разоблачать, разносить в пух и прах, опускаться ниже плинтуса. Но в то же время Маша, как и все жители города, соблюдала общепринятые правила хорошего тона – писала свои разгромные статьи с разбором, задевала только тех, кого можно было задевать. Иначе ее журналистская карьера оборвалась бы на старте.

– Здравствуйтесь, – сказала Елена уже обычным тоном. – Слушаю вас.

За спинами гостей бармен Гена пытался что-то выразить активной мимикой. Морщил лоб, двигал бровями, стрелял глазами туда-сюда, но смысла его безмолвного послания Елена так и не уловила.

Гости вяло покивали, отвечая на приветствие. Затем Запрудин и Гусев переглянулись, решая, кому начинать разговор. Запрудин коротко дернул лысой головой, Гусев откашлялся и сказал:

– Мы к вам с проверкой, Елена Анатольевна. Остановите работу кафе и прикажите всем сотрудникам собраться в зале...

– Но... – Елена от удивления лишилась дара речи, ни одна проверка на ее памяти не начиналась подобным образом.

– Посетители могут спокойно доесть свой заказ. – Гусев перевел взгляд на угловой столик, за которым завтракали двое нездешних мужичков среднего возраста, не то откомандированные за кирпичом снабженцы, не то заезжие коммерсанты мелкого пошиба.

Других посетителей в кафе не было. Промежуток с одиннадцати до двенадцати часов считался «глухим» – завтракать поздно, обедать рано. Ежась под строгими взглядами пришедших, мужички в мгновение ока доели свой гуляш. Хлеб, которым были собраны с тарелок

остатки подливы, они дожевывали уже на ходу. Гена тем временем сходил на кухню за поварами и посудомойкой, а вернувшись, запер входную дверь и повесил табличку «закрыто».

– Это все? – довольно недружелюбно осведомился Гусев, глядя на сотрудниц.

– Все, – ответила Елена, уже успев взять себя в руки, и добавила: – Лето, вторник, клиентов мало. Официантки придут в час. А в чем, собственно, дело?

– Дело! – хмыкнул Запрудин, доставая из кармана пиджака мятый платок. – Дело определено будет возбуждено, как только мы получим необходимые доказательства. По двести тридцать восьмой статье. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Пока рисуется первая часть, но если здоровью пострадавших будет причинен тяжкий вред или кто-то из них умрет, будет вторая часть. А если умрут двое – третья. По ней законом предусмотрено лишение свободы на срок до десяти лет.

– Господи! – ахнула посудомойка Валентина Митрофановна. – За что нам такая напасть?

– Руки мыть надо, – сурово сказала Кулькова, хмуря выщипанные в ниточку брови. – А также овощи с фруктами и посуду. Чтобы не устраивать эпидемий!

– Дизентерия, – пояснила начальница эпидотдела Сараева в ответ на вопрошающе-недоуменный взгляд Елены. – Двое жителей Твери госпитализированы в инфекционное отделение первой городской больницы с диагнозом дизентерия. В прошлую среду они обедали у вас. У них даже чек сохранился.

Молодая, красивая и обеспеченная Сараева, муж которой занимался оптовой торговлей строительными материалами, могла позволить себе быть если не доброй, то хотя бы не слишком суровой. К тому же она являлась постоянной клиенткой «Старого города» с полагающимися ей по должности привилегиями – тридцатипроцентной скидкой и регулярными комплиментами от заведения. Все остальные, кроме не знакомого Елене капитана полиции, тоже заглядывали в кафе, бывшее на самом деле лучшим рестораном в городе, но нечасто, от случая к случаю.

Почему «Старый город» назывался «кафе», а не «рестораном»? Поначалу, когда бизнес только-только раскручивался, Елена остановилась на «кафе», желая привлечь как можно больше клиентов. Вывеска «ресторан» отпугивает многих предполагаемой дороговизной и необходимостью соответствовать статусу заведения. Чем писать на дверях: «У нас очень недорогой ресторан, и к нам не обязательно приходить в вечерних костюмах», проще назваться «кафе». Так и повелось. В период своего расцвета до семи часов вечера «Старый город» оставался кафе, а затем до закрытия превращался в ресторан. Скатерти, посуда и приборы заменялись на более дорогие, папки с меню тоже менялись, потому что расширялся ассортимент блюд, выходили на работу дополнительные официантки.

– Дизентерия?! – хором ахнули все сотрудники, включая саму Елену, и так же хором сказали: – Не может быть!

Чистоте и вообще соблюдению санитарно-гигиенического режима Елена придавала огромное значение. И потому, что сама была записной чистюлей, и потому, что в общепите иначе нельзя. Повариха, утянувшая домой продуктов с кухни, или обсчитавшая клиента официантка в первый раз могли рассчитывать на снисхождение. Ну, попутал бес, бывает, если человек осознал и больше не грешит, то пусть работает дальше. Но за нарушением санитарно-гигиенических норм немедленно следовало увольнение. Пусть по городу ходили разговоры о том, что Гурбина «зверь-баба» и «совсем без понятия», потому что увольняет за ковыряние в носу или за ненадетый колпак, но зато за все время существования «Старого города» здесь ни разу никто не отравился. Да что там отравился, волоса никто в тарелке не нашел, не говоря уже о мухе или таракане. «Ворожишь ты, Анатольевна, что ли?! – завистливо удивлялись конкуренты. – Дому за обед сто пятьдесят лет, а никакой в нем живности...» «Ворожкой тут не поможешь, – отвечала Елена, – травить надо как следует и объедки по углам не собирать». И меди-

цинские книжки ее сотрудники получали и продлевали не по блату, а как положено – со сдачей всех анализов.

– Может, может, – сказал Запрудин, снова переглядываясь с Гусевым. – Раз есть потерпевшие, то...

– Но мало ли где они могли отравиться! – подумала вслух Елена.

– Вот мы и пришли внести ясность, – нахмурился Запрудин, недовольный тем, что его перебили.

Он вытер платком вспотевшую лысину и сунул его обратно в карман. Кончик платка остался торчать наружу. Эта маленькая деталь сразу же изменила впечатление – был у человека солидный вид, а стал комичный. Однако Елене сейчас было не до смеха.

– Вот распоряжение. – Ермакова достала из папки лист бумаги, вложенный в прозрачный файл.

Капитан тоже махнул в воздухе какой-то бумажкой, но молча.

«Пришли внести ясность таким «звездным» составом, – подумала Елена. – Это не к добру...»

С Запрудиным и полицейским капитаном ей по делам раньше сталкиваться, к счастью, не приходилось, а вот привычки чиновников из потребнадзора она изучила хорошо. Ни Гусев, ни начальники отделов не любили лишний раз выходить «в поле», так у них назывались проверки. Не царское это дело, по объектам бегать. На проверки выходили рядовые сотрудники, максимум – заместители начальников отделов, а высокое начальство, опираясь на факты нарушений, выявленные подчиненными, принимало решения, определяло меру наказания. А тут вдруг собрались и нагрянули сами. Для чего? Ясно для чего – для придания большего авторитета проверке. Уж не «варяги» ли постарались?

– Начинаем работать! – скомандовал Гусев. – Елена Анатольевна, пройдемте к вам в кабинет для разговора.

– Нет уж, – встрял Запрудин, – с Еленой Анатольевной сначала пообщаюсь я!

Гусев флегматично пожал костлявыми плечами и обернулся к Гене. Капитан подошел к поварихам. Сотрудники потребнадзора разбрелись по залу, разложили на столах принесенные с собой папки, чемоданчики и деловито защелкали замками. Маша вытащила из висевшей у нее на плече замшевой торбы блокнот с ручкой и подошла к барной стойке, явно намереваясь послушать, о чем Гусев будет спрашивать Гену.

– Могу ли я узнать, что здесь делает госпожа Щерба?! – громко спросила Елена, глядя на Машу. – Она перешла на работу к вам, Владимир Никифорович?

– Прессу решено привлечь, потому что случай м-м... резонансный, – сухо пояснил Гусев.

– Но если Елена Анатольевна против, то я конечно же уйду, – сказала Маша, не убирая блокнота и вообще не отходя от стойки. – Я же нахожусь тут, так сказать, на общественных началах. А вопрос, между прочим, показательный. Лакмусовая бумажка. Прессы боятся те, кому есть что скрывать.

Елена махнула рукой – черт с тобой, оставайся – и направилась в свой кабинет. Следом за ней шел Запрудин. Он шумно дышал, и Елена подумала, что у него, наверное, большое сердце. Мама после инфаркта дышала точно так же. Сделает два шага – и «уффф... уффф»...

Проверка растянулась на четыре часа. Отовсюду были взяты смывы, даже стол в кабинете Елены не минула эта участь. Взяли мазки у присутствовавших сотрудников, велели всем отсутствующим завтра утром явиться в управление потребнадзора. Также были взяты пробы всех продуктов, в том числе и из стоявшего в комнате отдыха холодильника для сотрудников, в котором хранились продукты для личного употребления.

– Вот уж ни за что не поверю, будто ваши сотрудники питаются не с кухни! – сказал капитан, фамилию которого Елена в суете не запомнила, то ли Капорцев, то ли Камордин, то ли еще как-то на «к».

– У нас по выбору, – объяснила Елена. – Можно брать обеды из меню, мы их сотрудникам считаем по себестоимости, можно приносить свое. Кто-то экономит, кто-то на диете. Опять же, если человек ходит в магазин во время перерыва, ему же надо куда-то продукты положить.

– Какая вы заботливая, – усмехнулся капитан.

Не то похвалил, не то поддел, Елена так и не поняла. После часовой беседы с Запрудиним голова стала тяжелой. Трудно отвечать по нескольку раз на одни и те же вопросы, да еще такому неприятному собеседнику, как Запрудин. Может, это у него профессиональный метод такой, давить и угрожать, чтобы преступники быстрее сознавались, но она же не преступница. Два года в лучшем случае, десять лет в худшем – что за бред?!

– Докажите сначала, что это моя вина, а потом статью поминайте, – сказала она Запрудину.

– Докажем, – пообещал Запрудин. – Можете не беспокоиться.

Логика в его словах не было никакой, потому что беспокоиться Елене полагалось как раз в противном случае...

Спустя пять дней (кафе все это время не работало) Гусев ознакомил Елену с результатами исследований. В смывах, взятых с кухонного оборудования, и в санузле для персонала была обнаружена дизентерийная палочка. В мазках сотрудников палочки не нашли.

– Вы же видите, Владимир Никифорович, что в этом нет никакой логики, – сказала Елена Гусеву. – Если все сотрудники здоровы, то откуда взяться палочке на кухне и в санузле?

Сказать, что она была ошарашена результатами исследования, означало не сказать ничего.

– Вроде как здоровы официальные сотрудники, – ответил Гусев, сделав ударение на словах «вроде как» и «официальные». – А кого вы там привлекаете к работе, я не знаю. В «Коканде», например, по штатному расписанию числилось пятеро, а на самом деле работало втрое больше.

– Ну, вы и сравнили! – вырвалось у Елены.

«Коканд» был грязной привокзальной забегаловкой, в которой постоянно кто-то травилился. Но тем не менее забегаловка просуществовала около пяти лет. Под самым носом у управления потребнадзора, расположенного на противоположной стороне привокзальной площади. «Коканд» работал бы и до сих пор, если бы в прошлом году туда не занесло охочего до скандалов столичного блогера. Тот ухитрился сфотографировать не только мух с тараканами в обеденном зале и крыс на помойке во дворе, но и каким-то неведомым путем (а скорее всего, при помощи подкупа) проник на кухню и сделал там несколько особенно шокирующих снимков. Пост под названием «Поест в Рогачевске и умереть» имел большой резонанс. «Коканд» закрыли. Спустя неделю его владелец открыл на автовокзале кафе «Звезда Востока», но это уже другая история.

– А для нас все, кто оказывает услуги населению, равны, Елена Анатольевна. – Уголки тонких губ Гусева дрогнули, изображая некое подобие улыбки. – Перед законом все равны, разве вы не знали?

Перед законом... По факту заражения дизентерией двоих посетителей кафе «Старый город» было возбуждено уголовное дело. В «Рогачевских вестях» появилась статья в полстраницы под названием «Болезнь подано». Теперь уже у Елены не оставалось никаких сомнений в том, что на нее наехали «варяги».

3

Дом, в котором находилось кафе Елены, в городе называли Руинами. Старинному зданию, построенному в конце девятнадцатого века, не повезло. В нем не останавливался проездом великий пролетарский писатель Максим Горький, не собирались на сходки большевики, не происходило никаких судьбоносных исторических событий, и потому оно не получило статус памятника старины, охраняемого государством, и к началу двадцать первого века пришло в совершенный упадок. Памятники, в отличие от обычных домов, могут рассчитывать на бережное отношение и повышенное внимание, как-никак достопримечательность. Достопримечательностей в Рогачевске было маловато. Три главных – вид на Волгу с набережной, старообрядческая церковь с фаянсовым иконостасом и здание вокзала, как две капли воды похожее на вокзал в Твери. Согласно легенде, отцы города подкупили некоего инженера-подполковника, руководившего строительством вокзала, и тот «ошибся», «перепутал» проекты, отгрохал в уездном Рогачевске такую же махину, что и в губернском городе. Главные достопримечательности дополнялись мелкими – несколькими никому не интересными памятниками, избами с кружевными наличниками, которых год от года становилось все меньше, и заброшенной водокачкой, которую облюбовали в качестве постоянной резиденции местные бомжи. Десять лет назад никто и представить не мог, что в Рогачевске может иметь место такое явление, как туристический бум...

Найти помещение под кафе было сложно, потому что Елене непременно хотелось, чтобы ее заведение находилось на бойком, проходном месте, а в таких местах все помещения обычно заняты. Получить место можно было только «перебивкой» – прийти к владельцу и предложить платить больше, чем нынешние арендаторы. Елене такой способ не подходил ни по моральным, ни по материальным соображениям. Кроме того, «перебивать», не имея за собой мощной поддержки, было просто опасно. Изгнанные арендаторы запросто могли пустить красного петуха, такие случаи были. Помыкавшись с выбором места две недели, Елена попросила совета у бывшей одноклассницы Леры Деньковой, которая работала в мэрии, в отделе жилищно-коммунального хозяйства.

– Есть только одно помещение, которое может тебе подойти, – сказала Лера, даже не заглядывая в свои реестры. – В Руинах.

– В Руинах? – растерянно повторила Елена. – Там же одни стены...

– Проходное место, сто семьдесят квадратных метров, аренда дешевая, коэффициент «ноль-пять», понижающий, в переводе на нормальный язык будешь платить половину от общего норматива. И подмазывать никого не придется, потому что это – Руины. А на подмазку обычно дают стоимость полугодовой аренды... Пустишь сэкономленные деньги на ремонт! Ты же хотела пустующее помещение в проходном месте? Получай! Можно хоть завтра договор подписать. А то, что дом пустой, так это же лучше! Никто не будет жаловаться, что у тебя шумно и дымно. А со временем, когда у города появятся свободные деньги, второй и третий этажи приведут в божеский вид и сдадут под офисы. Дополнительная клиентура будет! Решайся! Договор я тебе устрою на сорок девять лет с правом выкупа по остаточной стоимости. Можешь сразу считать помещение своим.

Елена решила. Арендный договор она подписала, не взглянув на помещение, потому что смотреть там было не на что – руины они и есть руины. Прогнившие перегородки, выбитые стекла, осыпавшаяся штукатурка, ржавые трубы. Труб, впрочем, было совсем немного, охотники за металлоломом расстарались, посрезали все, что было можно. Порадовали только перекрытия, сделанные из толстых дореволюционных дубовых досок. По крайней мере, не надо было опасаться, что потолок обрушится на голову.

«Мое! – радовалась Елена, лавируя между кучами мусора. – Мое! Мое! Мое!» Реальность вдруг сменилась воображаемой картиной: большой светлый зал, люди за столиками, деловито снующие туда-сюда официанты, играет негромкая живая музыка – пианино и скрипка, за окном медленно падает крупными хлопьями снег... Когда музыканты делают паузу, то слышно, как уютно потрескивают поленья в камине... Елена замечталась и перестала смотреть под ноги. Упала, набила шишку на лбу, больно ушибла локоть и оба колена, но вместо того, чтобы расплакаться, засмеялась. Мечты начали сбываться. Второй раз в жизни Елену охватило ощущение огромной, невероятной радости. Примерно так же она чувствовала себя, когда родился сын...

Все начиналось так хорошо... Старший преподаватель кафедры дошкольной педагогики Станислав Билинский («Не Белинский, а Билинский», непременно уточнял он при знакомстве) был умен, красив, заботлив и влюблен без памяти. Лена сначала осторожничала, но понемногу оттаяла, поверила, ответила чувством на чувство. Даже корила себя за холодность, что ее чувство было не таким сильным, как у Станислава, не таким, как чувство к Саше. Уговорила себя на том, что с Сашей все было по-детски, ново, свежо, оттого и чувство казалось столь ярким. Первая любовь как-никак. Первый блин, которому положено выйти комом.

А еще Станислав был москвичом с двухкомнатной квартирой на улице Чаплыгина, в которой после смерти родителей он жил один. А еще у Станислава были хорошие перспективы – наполовину написанная докторская диссертация, расположение ректора, широкие связи в научных кругах и не только в них. «Хваткая ты, Ленка», – завидовали однокурсницы. Лена меркантильное не интересовало, для нее было важно, что Станислав любит ее, что он добрый, нежный, заботливый и с ним можно говорить обо всем на свете, не боясь показаться смешной или глупой.

Страшно подумать – она чуть было не поделилась с ним своей главной тайной, своей главной болью. Дважды собиралась, но что-то мешало, а третьего случая уже не представилось. Узнав, что Лена беременна, Станислав несколько не обрадовался. Напротив, потемнел лицом и чужим, холодным голосом сказал, что ей надо сделать аборт. Увидев на лице Лены растерянность и непонимание, повторил сказанное и добавил, что оплатит «процедуру»... Лена никак не могла поверить своим ушам и принять происходящее за правду. Она даже ущипнула себя за руку, желая убедиться, что все это не сон. Приняв ее молчание за согласие, Станислав попытался вложить ей в руку несколько купюр. Лена швырнула деньги ему в лицо и с трудом удержалась от соблазна вlepить пощечину. Но все же удержалась.

«Не спеши с выводами, – утешала соседка по общежитию Инка Воликова, за хуждбу и по созвучию фамилии прозванная Воблой. – Мужики – они такие. Сначала про аборт говорят, а потом в ЗАГС вeдут». Лена слушала и удивлялась – о каком ЗАГСе может идти речь после *такого*? Впрочем, в ЗАГС ее никто не звал. Спустя неделю после разрыва с Леной Билинский начал обхаживать какую-то смазливую первокурсницу...

Лена рассчитывала найти поддержку у матери, самого близкого ей человека, но та тоже стала настаивать на аборте. «Тебе учиться надо, а не пеленки стирать, – твердила она, поджав губы. – Тебе о своем будущем думать надо и о том, что люди скажут... Кому ты будешь нужна с ребенком на руках и без образования?»

Старший брат Игорь был не столь категоричен, но тоже не одобрял поведения сестры. У Игоря вся жизнь была расписана наперед по пунктам, он был очень правильным, и мать вечно ставила его Лене в пример. Так часто ставила и так хвалила, что Лена порой задумывалась о том, любит ли вообще ее мама или вся любовь досталась Игорю? Но, как бы то ни было, Игорь помог Лене достичь компромисса с матерью, объяснил, что если уж нашла коса на камень, то надо с этим смириться. Раз сестра намерена рожать, то пусть рождает – это ее выбор. В институте возьмет отпуск по беременности, потом можно заочно доучиться, без диплома не останется. А о том, что люди скажут, лучше вообще не думать. Люди про всех что-нибудь да говорят,

незачем обращать внимания на сплетни и пересуды. «Пусть делает, что хочет!» – сказала мать и до рождения внука при каждом удобном случае по нескольку раз в день выказывала Лене свое неодобрение. Потом, конечно, подобрела и с удовольствием возилась с Ромкой. Однажды мать сказала, что даже умные люди иногда ошибаются и что дети – это самое лучшее в жизни. Зная ее характер, эти слова можно было расценивать как искреннюю просьбу о прощении. Елена именно так их и расценила.

Жили трудно. Елена перевелась на заочное отделение и жила в Рогачевске, работая на двух-трех работах, а мать сидела с Ромкой. Когда Роме было три года, у матери случился инфаркт, после которого она так и не оправилась. Прожила еще полтора года, мучаясь болями и одышкой, и умерла. Елене пришлось работать на дому, потому что сын часто болел и в садик толком ходить не мог. Чем она только не занималась, от написания рекламных статей до пошива жилеток и бейсболок. Ничего, справилась, получила диплом, устроилась преподавателем математики в ту школу, в которой училась она и директорствовала до выхода на пенсию мама, определила туда же Ромку и подумала о том, что жизнь, кажется, налаживается.

Но рано порадовалась. У Ромы начались проблемы как с учебой, так и с одноклассниками. Учился он из рук вон плохо, на уроках не мог собраться, плохо запоминал материал, никак не мог наладить отношения с другими ребятами. Сначала Елена считала проблемы сына издержками домашнего воспитания. Избаловала, не хотела, чтобы болезненный ребенок перегружался, не уделяла должного внимания общению сына со сверстниками. . . Стандартная ситуация «сапожник без сапог», то есть педагог с проблемным ребенком.

Но во втором классе стало ясно, что Ромины проблемы гораздо серьезнее и что ему нужна помощь психолога. А следом грянули и другие сложности. В девяностые годы прошлого века рождаемость в Рогачевске пошла на спад, вдобавок большая часть молодежи уехала из родного города в поисках лучшей доли, поэтому школы и детские сады были заполнены дай бог если наполовину. И новый глава районной администрации решил сократить вполнину количество школ. Было шесть, стало три. Закрылась в том числе и школа, в которой работала Елена. Устроиться по специальности было невозможно. На репетиторство тоже не стоило надеяться, потому что репетиторы в Рогачевске большим спросом не пользовались и услуги их ценились невысоко. Возвращаться к шитью жилеток Елена не собиралась, а уехать на заработки в Москву было не так просто. Какая Москва с ребенком на руках? С кем его оставлять? С няней? Не всякая няня смогла бы найти общий язык с Ромой, и к тому же если снимать в столице жилье и оплачивать няню, что тогда останется на жизнь? Пораскинув мозгами, Елена пришла к мысли о собственном бизнесе. Небольшая уютная едальня казалась ей самым лучшим вариантом. Общепит – это стабильно и как-то понятно. В торговле Елена не разбиралась совершенно и интуитивно чувствовала, что в этой сфере она моментально прогорит. А вот общепит привлекал, здесь все было понятнее и проще. Кафе – это, в сущности, тот же дом. Сюда приходят гости, задача хозяйки приветливо их встретить и вкусно накормить, чтобы им захотелось прийти еще. Елена была гостеприимной, умела готовить и создавать уют. Решиться на это оказалось трудно, все равно что в омут с головой прыгнуть, но она все же решилась.

Стартового капитала у нее не было, если не считать пятисот долларов – заначки на черный день, но оказалось, что можно взять кредит под залог родительской недвижимости. Добротный двухэтажный кирпичный дом после смерти матери достался Елене. Брат Игорь сказал, что ему он не нужен, потому что возвращаться в Рогачевск не собирается, и отказался от своей доли наследства в пользу сестры. Елена заикнулась было о том, что она станет выплачивать ему стоимость доли частями, по мере возможности, но Игорь ответил, чтобы она не дурила. Он уже на четвертом курсе зарабатывал программированием весьма неплохие деньги. Правда, финансами помочь никогда не предлагал, но Елена на это никогда и не рассчитывала. Жизнь приучила ее надеяться на себя. К тому же отношения с братом были сложными, неоднозначными. Они никогда не ссорились, обоим казалось, что они понимают друг друга, но вместе им

было тяжело. Иногда общее горе сближает людей, а иногда отдаляет друг от друга. Встречи берегут старые раны, служат лишним напоминанием о том, что нельзя забыть, но тем не менее лишний раз вспоминать не хочется. Так что лучше уж встречаться пореже.

Елена с Игорем исправно поздравляли друг друга с праздниками и делали вид, что этого вполне достаточно. Нормальные родственные отношения. Игорь не навещал сестру в Рогачевске, ссылаясь на вечную занятость, а Елена не ездила к брату в Москву – хотя до столицы было рукой подать, два с половиной часа на электричке, – потому что брат ее к себе не приглашал. Нет, однажды пригласил, когда женился, но не сложилось – Ромка слег с ангиной.

Елена так и не видела жену брата, Светлану, они познакомились заочно, по телефону. У Светланы был сочный выразительный голос. Свое «здравствуйте, Леночка, рада вас слышать» она выводила как оперную арию. Елена чувствовала, что брат с женой не очень-то счастлив. «У нас все хорошо», – отвечал Игорь на традиционный вопрос «как дела?», но в голосе его всякий раз звякала льдинка. Может, причина была в том, что у них не было детей? По какой причине их не было – не хотели или не получалось, – Елена не спрашивала, а сам Игорь никогда этой темы не касался.

Привести помещение в порядок стоило огромных трудов и больших денег, но зато после открытия дела сразу же пошли бойко. Людям нравится, когда их кормят вкусно и недорого. Елена следовала принципу «лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз», то есть делала ставку не на наценку, а на обороты. И порции в «Старом городе» были внушительными, что тоже нравилось клиентам. Увеличение порций не так уж сильно увеличивает расходы как таковые, большинство рестораторов норовят положить клиенту в тарелку поменьше для того, чтобы он заказал еще одно-два блюда. Месторасположение кафе тоже способствовало его раскрутке. Всем горожанам было любопытно – что там можно сделать в Руинах? Зашли полюбопытствовать, понравилось, стали захаживать регулярно...

На третий год после открытия «Старого города» Руины окончательно перестали быть руинами. Второй и третий этажи, как и обещала Лера, привели в порядок и сдали под офисы, увеличив тем самым Еленину клиентуру. На пятый год она досрочно погасила взятый кредит и начала откладывать деньги на развитие бизнеса. В глубине души Елена лелеяла мысль об открытии на железнодорожном и автобусном вокзалах заведений в стиле free flow, когда все блюда готовятся на виду у посетителей и они сами себя обслуживают. А там... А там, чем черт не шутит, если дела пойдут хорошо, то можно и в Твери что-нибудь предпринять. Елена окончательно вошла во вкус предпринимательства и поняла, что в свое время сделала правильный выбор. У брата Игоря в Москве тоже была своя фирма, программистская. Не иначе как сказалась наследственность, ведь их прадед с материнской стороны был купцом первой гильдии, торговал зерном, льном и лесом. «Дедушка был везучим, – шутила мать. – В начале семнадцатого года решил рискнуть, чтобы стать миллионщиком, но просчитался, разорился подчистую и пошел работать приказчиком к одному из бывших своих партнеров. Потому его в революцию и не тронули. Что с приказчика взять?»

У Ромы тоже вроде как наладилось и с учебой, и с общением. Регулярные встречи с психологом в течение двух лет дали плоды. Стать отличником ему, конечно, было не суждено, но Елена радовалась и четверкам. А больше всего тому, что сын рос добрым спокойным мальчиком, а не отбившимся от рук хулиганом-сорвиголовой, и тому, что, несмотря на сохранившуюся склонность Ромы к замкнутости, между ними сохранялось взаимопонимание. Может, и не все друзья сына нравились Елене, но Рома был не одинок, в школе его уже давно не дразнили, и это тоже радовало.

В десять лет у сына пробудилась страсть к рисованию. Сама собой пробудилась, никто его к этому не подталкивал. Рома рисовал всем, что попадалось под руку, – карандашами, красками, мелками, фломастерами и даже гелевыми ручками. Школьная учительница рисования находила у Ромы явные способности и жалела, что в городе нет художественной школы. Сам

Рома об этом не жалел, он рисовал для себя, для собственного удовольствия. В рабочем кабинете Елены на стене висел карандашный рисунок, на котором была изображена вокзальная площадь в дождливый день. Любой «ненастный» сюжет сын умел изобразить так, что от него веяло теплом и уютом. Или это Елене, как матери, так казалось? Дома Рома устроил в гостиной целую галерею. Елена отдала ему одну из стен и с умилением наблюдала, как сын меняет картины местами, убирает одни, вешает на их место другие, добиваясь одному ему понятной гармонии.

В целом Елена могла считать (и считала) себя счастливым человеком. Но с одной небольшой оговорочкой... Того, что принято называть «личным счастьем», у нее не было. Были отношения, которым не хватало чего-то неуловимого, какой-то искорки, которая превращает симпатию в настоящее чувство. Елена ощущала неправильность, «ненастоящность», если можно так выразиться, своих отношений с мужчинами. Неправильность эта требовала объяснений. И Елена твердила себе, что бизнес отнимает у нее слишком много сил и эмоций, что единственным и главным мужчиной для нее является сын и все запасы своей любви она отдает ему. Другим ничего не остается. Под настроение Елена вспоминала свою первую любовь Сашу Лощинина. Ей становилось жаль, что у них все сложилось так неудачно, точнее – не сложилось. Сведений о Саше у нее не было. Она знала, что, вернувшись из армии, он поступил в институт не то в Саратове, не то в Самаре и что очень скоро мать уехала к нему, продав квартиру каким-то чужакам, переселенцам из Средней Азии. Квартира несколько раз сменила хозяев, и теперь там жили люди, не имевшие понятия о Саше и его матери. Время от времени Елена набирала в поисковике «Лощинин Александр Евгеньевич», подолгу просматривала результаты, но Сашу так и не находила... Со временем горечь несбывшегося перебродила в душе, и Саша стал просто воспоминанием, одним из самых светлых в ее юности. Наверное, в этом был свой смысл, чтобы горечь превращалась в светлое, греющее душу воспоминание.

А тут вдруг неожиданно, как гром среди ясного неба, на Рогачевск обрушился туристический бум. Недалеко от городской черты, на берегу водохранилища, отгрохали помпезный яхт-клуб, затем заброшенный еще в начале девяностых филиал хлебокомбината переоборудовали в пейнтбольный центр, затем возле яхт-клуба появилась этно-усадьба, а дальше пошло-поехало... Санаторно-оздоровительный центр, несколько баз отдыха, два кемпинга, коттеджи... Вдруг оказалось, что в Рогачевске какой-то особенно замечательный воздух (а с чего бы ему быть плохим, если, кроме хлебокомбината и молокозавода, других производств не осталось?), и вода здесь, в Волге, особенная, и глина на берегу лечебная. В радиусе сорока километров от города не осталось ни единого клочка пустующей земли, везде что-то строилось. Рогачевские бизнесмены, занятые в сфере обслуживания, воспряли духом, да и вообще все жители города воодушевились, радуясь такому оживлению. Но в любой бочке меда непременно найдется как минимум одна ложка дегтя. Некая структура, именовавшая себя холдингом «Варрант плюс», принялась активно скупать недвижимость в Рогачевске. Варрантовцы, которых местные жители сразу же по созвучию и смысловому сходству (чужаки ведь) прозвали «варягами», нацеливались на самые лучшие объекты, выбирали лакомые кусочки. Среди этих лакомых кусочков оказалось и здание, в котором находилось кафе Елены. Город продал «Варранту» здание с условием, что все заключенные ранее договора аренды помещений должны быть перезаключены с новым владельцем на тот срок, который оставался по прежним договорам. Формально руки у новых хозяев были связаны. Елене, к примеру, по старому договору оставался сорок один год аренды, и холдинг заключил с ней договор на этот срок. Но при этом ей было сказано, что у холдинга есть свои виды на помещение и что ей следует подыскать себе новое место, ибо здесь ей работать спокойно не дадут. Елена пригрозила судом и услышала в ответ циничное: «В суде у вас заявления не примут, потому что договор аренды будет расторгнут по вашей инициативе. У вас есть такое право, и чем скорее вы им воспользуетесь, тем будет лучше для вас».

Поняв, что Елена не склонна идти на уступки, «варяги» перешли к активным действиям. Начали с мелкого вредительства – то под предлогом замены труб отключили на сутки воду, то устроили «электроаварию». Елена оба раза поднимала шум – звонила в ДЕЗ и в мэрию, интересуясь, насколько правомочно отключение воды и электричества, грозилась обратиться в суд с требованием о взыскании неустойки с арендодателя, не выполняющего свои обязательства. Внеплановую (и необычайно дотошную) проверку налоговой инспекции она пережила спокойно, потому что работала «в белую», не утаивая доходов. Замену разбитого камнем витринного стекла оплатила страховая компания. Поняв, что Елена – крепкий орешек, «варяги» перешли от мелкого вредительства к крупным пакостям.

Рогачевский офис «варягов», называемый «представительством холдинга «Варрант плюс» в Рогачевском районе», находился через дорогу от кафе «Старый город», не прямо напротив, а наискосок. Офис был скромным – четыре комнатки плюс холл на втором этаже бывшего Дома быта. Мебель тоже была неброской, самой обычной, и скудной – ничего лишнего. Но все сотрудники, начиная с курьера и заканчивая заместителем директора представительства (самого директора Елена никогда не видела), держались столь надменно, как будто бы стремились компенсировать своим поведением скромность обстановки. Здесь не было принято отвечать на приветствия и предлагать присесть, слова не произносились, а цедились сквозь зубы, директор представительства каждый разговор с Еленой завершал фразой: «У меня все!» – после чего по-хамски указывал рукой на дверь. Знай, мол, сверчок, свой шесток, свое место в жизни. В первое свое посещение представительства Елена была шокирована подобным поведением, но очень скоро усвоила правила игры и начала вести себя точно так же. Входила, не здороваясь, уходила, не прощаясь, садилась без приглашения, а слова «у меня все!» успевала произнести быстрее собеседника. С волками жить, по-волчьи выть. Елена предпочла бы, чтобы представительство находилось в каком-нибудь другом месте, подальше от ее кафе. Смешно, конечно, но ей казалось, что кто-то из «варягов» постоянно за ней наблюдает. Ощущение это было настолько сильным, что Елена начала задергивать днем занавески в своем кабинете, но очень скоро, буквально на следующий день, перестала делать это. Ей стало неловко за свою мнительность и за то, что получалось так, будто «варяги» вынудили ее изменить свои привычки.

4

Тревога кольнула сердце, как только Елена вышла из кафе. Она остановилась посреди тротуара и стала перебирать в памяти дела – уж не забыла ли о чем-то неотложном, важном? Не вспомнив ничего такого, пошла домой. «Все хорошо, – мысленно сказала себе она. – Все в порядке».

Тревога никуда не делась. Более того, за воротами она усилилась. Теперь уже не колола внутри, а скребла наждаком. Жизнь научила Елену прислушиваться к плохим предчувствиям. Это хорошие чаще всего не сбывались – встанешь с утра вся такая радостная, переполненная ожиданиями чуда, а никакого чуда не случится. А плохие предчувствия сбывались всегда.

Елена достала из сумки мобильный и позвонила сыну. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил равнодушный механический голос. Сын часто забывал заряжать телефон, а если и заряжал, то быстро разряжал его прослушиванием музыки или просмотром видео. Елена сердилась на него за это, объясняла, что смысл мобильного телефона в том, чтобы всегда быть на связи, что она волнуется и так далее, но в ответ неизменно слышала: «Да ладно тебе, м-а-а-ам, я же не маленький...»

Рома лет с одиннадцати считал себя «не маленьким», упорно отстаивая право на взрослость. Елена этому не препятствовала, напротив – радовалась, приветствовала, воспитывала в сыне самостоятельность, но самостоятельность самостоятельностью, а беспокойство беспокойством. Разве может мать не тревожиться о своем ребенке, единственном и ненаглядном? Елена искренне удивлялась тому, как умудряются не сходить с ума родители в больших городах, где опасностей великое множество. В Рогачевске этих опасностей было всего три – железная дорога, делившая город примерно на две равные части, Северную и Южную, река да автовокзал, на котором вечно толклись местные алкаши, среди них порой попадались весьма агрессивные субъекты – и Елена часто от беспокойства места себе не находила. Примерно как сейчас. Не утонул ли сын? Не попал ли под поезд? Не подрался ли с какими-нибудь хулиганами? Рома был не драчливым, но иногда приходилось давать сдачи. Мальчишки есть мальчишки, и с этим ничего не поделаешь. Пока проносило, дальше разбитого носа дело не заходило, но мало ли что...

Вместо того чтобы пройти к дому дворами, Елена свернула на Юбилейную и прошла мимо автовокзала. Желая убедиться в том, что сегодня здесь все спокойно, без драк, перебралась парой слов с Зиной из чебуречной палатки. Случись что, особенно с участием Ромы, она непременно бы ей рассказала. Но сегодня у Зины была одна-единственная новость – пока она отсчитывала сдачу с тысячной купюры, какой-то ханыга стащил с прилавка пакет с тремя чебуреками. По этому поводу у нее возник спор с покупателем. Зина утверждала, что если она передала чебуреки ему в руки, то ответственности за случившееся нести не может. Сам ведь на прилавок положил, мог бы в руках держать. Покупатель же считал ее ответственной за все, что происходит в пределах ее владений. Когда Зина начала громко возмущаться (тихо возмущаться она совсем не умела), покупатель так же громко обвинил ее в сговоре с воришкой. Нарочно, мол, медленно отсчитывала сдачу, отвлекая внимание от чебуреков. На шум собрался народ и устроил вече, решение которого можно было предсказать заранее, потому что Зина была своей, а покупатель приезжим. Бурча под нос разные нехорошие слова, скандалист еще раз купил чебуреки и ушел, а Зина для устрашения выложила на прилавок молоток. Будка была старой, и в ней вечно приходилось что-то чинить-подправлять, поэтому Зина держала в палатке нужный инструмент.

– Сговорила! – фыркала Зина, возмущенно колыхая своим мощным бюстом. – Ишь ты! Надо мне! И из-за чего скандалить?! Из-за трех чебуреков?! Из-за ста пяти рублей! Измельчали мужики! Тьфу!

– Измельчали, – покорно согласилась Елена, боясь, что в случае возражения Зина начнет приводить примеры в доказательство собственной правоты и разговор затянется до бесконечности.

В Рогачевске было принято договаривать, если уж начался разговор. Оборвать собеседника на полуслове и сказать «извини, я спешу», означало обидеть человека.

– Терпения тебе, Зин, – сказала Елена. – Пойду я, а то...

– И тебе того же, – с чувством сказала Зина. – Тебе много терпения надо, с твоими-то проблемами...

В маленьких городах слухи разносятся мгновенно. С одной стороны, это не всегда приятно, с другой – довольно удобно. Не надо рассказывать о своих проблемах, потому что всем и так все известно. Елена не очень-то любила делиться проблемами с окружающими, но сейчас был особый случай, которому хотелось придать максимальную огласку. В борьбе с несправедливостью огласка иногда помогает.

– Я всем говорю, – воодушевленно продолжала Зина, – что это подстава! Полгорода к тебе ходит – и никто не траванулся, только двое тверских в больницу попали! Я тебе, Лен, скажу, как это делается, я ж вдвое дольше твоего в этом бизнесе кручусь, всякого навидалась! Нашли двух ханыг, которые траванулись колбасой с помойки, и заплатили им за то, чтобы они тебя оговорили! А в пробах, которые у вас брали, при желании можно все что угодно найти! Своя рука – владыка...

– При желании все возможно, – согласилась Елена.

– Что делать думаешь? – поинтересовалась Зина, сменив бодро-напористый тон на участливый. – Уступишь? Я же понимаю, откуда ветер дует...

– Не знаю пока, что делать, – честно ответила Елена. – Но уступать не хочется...

Следователь показывал ей ксерокопию чека, предъявленного «пострадавшими». Два стандартных бизнес-ланча по сто пятьдесят рублей – салат, суп, второе, напиток – морс, компот или минеральная вода. Конкретные блюда, выбранные клиентами, в чеке не указывались, но в своих заявлениях «пострадавшие» написали, что оба они ели капустный салат, борщ, бефстроганов с картофельным пюре и запивали минералкой. Елена представила следователю документы, подтверждавшие, что в тот день клиентами было заказано шестьдесят две порции капустного салата, сто двадцать три порции борща, сто семь порций бефстроганова и сто шестьдесят восемь порций картофельного пюре. Но отравилось при этом всего два человека. Не кажется ли это странным? Услышала в ответ, что нет, не кажется. Не все заболевшие могли обратиться за медицинской помощью, не все заболевшие могли связать факт заболевания с посещением кафе «Старый город», и вообще дизентерийная палочка могла быть не в еде, а на посуде или на столовых приборах. Взяла официантка тарелки с приборами грязными руками – передала заразу клиенту. Пострадавшие есть? Есть. Чек, подтверждающий посещение кафе, в деле есть? Есть. Дизентерийную палочку в кафе нашли? Нашли. Можно сушить сухари. Впрочем, следователь, который вел дело, в отличие от Запрудина, Елену не запугивал. Сразу сказал, что состояние пострадавших средней тяжести, что жить они точно будут, поэтому отвечать Елене придется по первой, самой «легкой» части двести тридцать восьмой статьи. И добавил, что лишения свободы ей нечего опасаться, потому что ранее несудимую мать-одиночку, имеющую несовершеннолетнего сына, суд свободы не лишит, ограничится штрафом, но штраф этот будет крупным, очень крупным. И вдобавок придется выплатить пострадавшим компенсацию за физический и моральный ущерб.

– Когда открываться думаешь?

– Позавчера, – усмехнулась Елена. – Сотрудники проверены, помещение и инвентарь обработаны, дело только за комиссией. В сущности, достаточно одного человека, который пришел бы и за час взял все пробы со смывами, но ни у кого почему-то нет на это времени.

– Ходить закрывать целым табуном у них время всегда найдется, – кивнула Зина. – А открывать времени нет. Ты бы это...

Многозначительно посмотрев на Елену, Зина выразительно потерла сложенные щепотью пальцы правой руки.

– Ты что?! – поморщилась Елена. – Во-первых, проволочки уже оплачены, а во-вторых, меня сразу же подведут под статью о даче взятки должностному лицу. В газетах появится новая статья, ну и так далее... Зачем мне лишние проблемы? Буду ждать.

– Долго сможешь продержаться? – спросила Зина, имея в виду возможность платить арендную плату при неработающем кафе.

– Месяца два продержусь, – слукавила Елена.

На самом деле она могла продержаться и пять месяцев, но ей не хотелось сообщать это. Не потому, что не доверяла Зине, а потому, что сказанное сразу же становится общеизвестным. Не хотелось, чтобы враги знали о том, насколько велики ее резервы.

– Ты бы уступила. – Зина сочувственно вздохнула. – Я тебя понимаю, но и ты должна понимать, с кем связалась. У тебя договор, а у них – сила. Проще уступить, чем лбом о стену биться.

– Я бы, может, и уступила, – ответила Елена. – Но куда я перееду? С этим бумом все мало-мальски подходящие места уже заняты. Не в Рублево же перебираться. Кто ко мне там будет ходить?..

Рублево было небольшой деревенькой, лет пятьдесят назад слившейся с Рогачевском, но сохранившей свое название. «У нас как в Москве – и Тверская есть, и Рублево», – шутили рогачевцы. Что до того, что Рублево было окраиной с покосившимися деревянными домишками, а Тверская – узким проулочком за молокозаводом? Главное, что названия совпадают.

– Расходы опять же, – продолжала Елена. – Переезд, обустройство на новом месте, раскрутка... Если бы мне напротив предложили переехать, то я, может быть, и согласилась. И если бы еще по-людски, с компенсацией убытков, а то ведь меня чуть ли не открытым текстом по известному адресу послали. Без всяких компенсаций. Будто я не человек, а собака приبلудная...

– Эх! – пригорюнилась Зина. – Баба без мужика – не человек, а полчеловека. Был бы у меня мужик, настоящий мужик, разве бы я здесь торчала? И ты, Лен, не парилась бы так. Мужик или разрулил бы все путем, или сказал: «Отдыхай, жена, я семью обеспечу». Что, разве не так?

– Умеешь ты, Зина, поддержать, – горько усмехнулась Елена.

– Да разве я с подковыркой... – завелась было Зина, но тут к палатке подошли несколько человек, приехавших на тверском автобусе, и разговор закончился сам собой.

Соблазнившись прелестью тихого летнего вечера, Елена решила идти от автовокзала домой кружным путем, по тенистой улице Гагарина. «Это все нервы, – убеждала себя она. – Тревога на пустом месте. Пройдусь – и отпустит. Недаром же врачи рекомендуют нервным людям прогулки».

Вечерний воздух, казалось, был наполнен покоем, и Елена вдыхала его полной грудью, будто стремилась напитаться этим самым покоем. Идти по Гагарина было приятно. По странной прихоти проектировщиков здесь не было ни одной лавочки, что, с одной стороны, конечно, неудобно – устанешь, а присесть негде, но с другой – делало улицу тихой, немногочисленной. Здесь не было ни визгливых мамаш с громогласными детьми, ни соображающих на троих мужиков, ни гогочущих подростков. А еще в доме номер семь на втором этаже когда-то жил Саша Лощинин. Саша... У него были глаза удивительной синевы, обаятельная в своей неповторимости улыбка и чарующий бархатный голос. А еще он предпочитал шансону джаз...

Как Елена себя ни успокаивала, как глубоко ни дышала, но успокоиться все равно не удалось, и неспешной прогулки не получилось. Она неосознанно все убыстряла и убыстряла

шаг, а последние оставшиеся до дома сто метров практически бежала. Воображение рисовало ей такие картины, в которые не хотелось вглядываться. Память не отставала от воображения, напоминая, например, о том, что в прошлом году из-за неисправной проводки, которую не чинили с брежневских времен, сгорел трехэтажный дом на улице Победы, хорошо еще, что без жертв обошлось. А этой весной был взрыв газа на Комсомольской, но там дом уцелел, только две квартиры выгорело – «взорванная» и та, что располагалась над ней.

Слава богу, дома все было в порядке. Ниоткуда не текло и не пахло горелым. Сын, уходя из дома, даже форточку на кухне не забыл закрыть. Ее приходилось держать закрытой с тех пор, как в нее повадился лазить соседский кот Гугенот, сокращенно – Гуга. Кот вел себя интеллигентно. Открывал лапой дверцу мойки, проводил ревизию содержимого мусорного ведра, в котором обычно не было ничего интересного, потому что привычки копить мусор у Елены не имелось, и уходил обратно тем же самым путем. Если бы он на обратном пути не драл когтями занавеску, то по поводу форточки можно было бы и не заморачиваться – пусть себе гуляет. Глядя на дырки, Рома смеялся и говорил, что Гугенот тонко чувствует веяния моды. Если в моде рваные джинсы, то и занавески тоже должны быть драными. Елена считала иначе. Доставала с чердака рулон, купленный четверть века назад мамой, которой хотелось хоть как-то «спасти» стремительно обесценивающиеся советские деньги, отрезала метр шестьдесят и шила новую занавеску. Что интересно, у себя дома Гугенот по занавескам не лазил, Елена специально интересовалась у соседки. С людьми тоже так бывает, дома они одни, а вне дома совсем другие.

Елена не успела переодеться в домашний халат, когда лежавший в сумке мобильный вызвонил «калинку-малинку» – мелодию, установленную на звонки сына. Елена обрадованно – объявился, бродяга! – достала телефон, поднесла к уху и... услышала незнакомый мужской голос, деловитый, с хрипотцой:

– Я разговариваю с Гурбиной Еленой Анатольевной?

– Да, – похолодев, пролепетала Елена, чуя недоброе.

– Вы мать Гурбина Романа Станиславовича?

– Да, – ответила Елена и тут же начала засыпать собеседника вопросами: – Что с ним?! Он в больнице?! Где?! В каком отделении?! Что случилось?! Почему он сам не позвонил?! Кто вы такой?! Откуда у вас Ромин телефон?

– Успокойтесь, пожалуйста, – все так же деловито сказал голос. – С вами говорит дежурный по ОВД капитан Печенин. Ваш сын у нас. С ним все в порядке. В физическом смысле. Вам надо подъехать в отделение. Желательно поскорее.

– Что значит «в физическом смысле»? – От этих слов Елена не успокоилась, а взволновалась еще сильнее. – И что он делает в отделении?

– Все подробности на месте, – ответил капитан. – Паспорт не забудьте.

И телефон отключился.

Елена не помнила, как вышла из дома и как бежала по городу до отделения. Этот четвертьчасовой промежуток времени совершенно выпал из ее памяти. Пришла в себя она только тогда, когда увидела сына и убедилась в том, что он цел и невредим, только сильно испуган.

5

Сын был для Елены всем – самой главной радостью, самым близким человеком, светом в окошке, надеждой (хотелось верить, что и опорой), смыслом жизни... Она тряслась над ним не только потому, что он был единственным и к тому же часто болел, но и потому, что на собственном печальном опыте узнала, как подчас невинное на первый взгляд событие, шутка, игра, может перечеркнуть всю жизнь. Слава богу, что ей хватало ума сдерживаться, не перебарщивать с опекой, чтобы сын рос человеком самостоятельным. Впервые отпустив Рому от себя – одноклассник пригласил провести выходные на даче, – Елена места себе не находила, казалось, за двое суток и глаз не сомкнула, но звонила сыну всего два раза. В пятницу вечером – узнать, благополучно ли доехали, и в воскресенье утром, уточнить, когда ждать возвращения – к обеду или к ужину. Заодно порвала с тогдашним своим любовником, который, узнав об отъезде Ромы, неприлично обрадовался и сказал что-то вроде: «Наконец-то мы можем побыть вдвоем». Елена спокойно, не повышая голоса, несмотря на то что внутри кипел прямо-таки вулканический гнев, объяснила идиоту, что ему лучше найти себе женщину без детей. Закончив объяснение, сунула уже бывшему любовнику в одну руку принесенную им бутылку вина, а в другую – розу на длинной ножке, традиционный субботний дар, и указала на дверь.

После того случая она уже не рассматривала, не воспринимала никого из мужчин в качестве спутника жизни. Какой смысл тешиться иллюзиями, если в конце концов им, иллюзиям этим, суждено разбиться? Подруги, у детей которых были отчимы, в один голос утверждали, что мужчинам нужно время для того, чтобы привыкнуть к детям. Пока, мол, вместе жить не начнете, ничего ожидать не стоит. Но Елене это утверждение казалось по меньшей мере странным. Разве правильно решаться на столь серьезный шаг, как брак, в надежде на то, что муж «привыкнет»? А если не привыкнет, что тогда? И разве любовь к женщине не означает любви к ее ребенку? Как можно разделять мать и ребенка? Как можно радоваться тому, что «наконец-то мы остались одни» (ох уж это гаденькое «наконец-то», оно взбесило Елену больше всего), да еще и потирать при этом руки? К черту таких кавалеров! Недаром персидский поэт и философ Омар Хайям сказал: ты лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Нынешний друг, бухгалтер с хлебокомбината Максим Михайлович Манухин, которого в городе прозвали МММ, в первую очередь нравился Елене своим отношением к Роме. Дети очень чувствительны и ранимы, а подростки в особенности. Всюду им мерещится покушение на их права и свободу, то и дело кажется, что их, пятнадцати-шестнадцатилетних, продолжают считать детьми. Максим общался с Ромой как с равным. Обращался к нему на «вы», интересовался его мнением по поводу различных событий, происходивших в городе (глобальные мировые проблемы Максима совершенно не занимали), деликатно высказывался по поводу творчества. Хвалил сдержанно, мог сказать, что «вот это» не очень нравится, короче говоря – не подлизывался. Ну и, конечно же, никогда не позволял себе намеков на то, что Рома ему мешает или чем-то тяготит. Одно время, поначалу, Елене казалось, что с Максимом у нее может что-то получиться, но это наваждение быстро прошло. Она поняла, что отношение Максима к Роме не является чем-то этаким, особенным, «утверждающим и подтверждающим», как выражалась мама. Просто характер у человека такой, уживчивый. Умеет он нравиться людям и находить с ними общий язык. А если вникнуть, то ему все едино – что Рома, что Ерема... По большому счету он и к Елене относился так же, вполне допуская, что на ее месте могла бы быть другая женщина. Елена не обижалась. После исчезновения мимолетного наваждения ее отношение к Максиму было точно таким же. Приятный интеллигентный человек, заботливый любовник, непьющий, неназойливый, необременительный. Да-да, именно так – необременительный. Это слово лучше всего подходило Максиму. Но не боец, не защитник, не опора. Узнав про Еленины проблемы с «варягами», вздохнул и посоветовал отступить. Сказал, что против

лома нет приема и что любой мелкий бизнес рано или поздно приводит к крупным проблемам. И вообще учителю математики с многолетним опытом ведения собственного дела лучше податься в бухгалтеры. Свою профессию Максим считал лучшей на свете. Сидишь себе тихо-спокойно в кабинете, циферки в графы вписываешь и, самое главное, не принимаешь никаких решений. Все определяет директор, а бухгалтерское дело – исполнять.

Максим работал на хлебокомбинате уже пятнадцатый год. Пересидел трех директоров (одного застрелили, другого заменили, третий умер от инфаркта прямо в кабинете) и втайне, кажется, этим гордился. Зная, что отец Елены когда-то был главным инженером хлебокомбината, и желая сделать ей приятное, Максим любил повторять, что сейчас комбинат уже не тот, что раньше, при социализме. Елена однажды не выдержала и спросила, откуда он мог знать, каким был комбинат три десятка лет назад. Максим уловил в ее голосе раздражение и больше на эту тему не разглагольствовал. Он вообще очень чутко улавливал ее настроение, он все чутко улавливал и старался делать то, чего от него ожидали окружающие. В постели это качество Елене очень нравилось, а вот в жизни не нравилось совсем. Человек, тем более мужчина, не должен быть похожим на флюгер, поворачиваться по ветру. Она удивлялась тому, как бесхребетный конформизм Максима расходится с его мужественной внешностью. Чеканный профиль, волевой квадратный подбородок, гордая посадка головы... Ах, как часто внешность бывает обманчива. Станислав тоже был таким мужественным, таким надежным...

Станислав... Станислав как в воду канул, за все эти годы ни разу не подал весточки о себе, не попробовал разыскать Лену, несмотря на то что сделать это было нетрудно, ведь она жила по тому же самому адресу, который указывала в анкете при поступлении в институт. И номер домашнего телефона у нее не менялся. Реставрация отношений со Станиславом была невозможна, но если бы он захотел увидеть сына, поддерживать с ним отношения, то Елена бы этому препятствовать не стала. Тут Роме предстояло решать, не ей. Но Станислав не давал о себе знать. Однажды в телевизионном выпуске новостей Елена увидела сюжет о приезде премьер-министра в ее альма-матер. За спиной ректора мелькнуло знакомое лицо. Станислав совершенно не изменился, только волосы импозантно тронуло сединой. «Раз стоял сразу за ректором, значит, сделал карьеру», – подумала Елена и переключилась на другой канал. Рома, помнится, еще удивился, чего это вдруг мама смотрит футбол?

В первый раз Рома спросил об отце в четыре года. Елена ответила, что папа живет далеко, что он очень занят и не может к ним приехать. В сущности, сказала правду, потому что так оно и было. Рома удовлетворился ответом. Спустя три года вопрос прозвучал снова. Поскольку ребенку было уже семь лет и он начинал понимать, что к чему, отделаться одной фразой не получилось. Пришлось рассказать подробности, разумеется, в сильно смягченном виде. Сначала мы с папой дружили, а потом поссорились, да так сильно, что расстались. Теперь у папы своя жизнь, а у нас с тобой своя. Как-то так. Рома не расстроился, да и какой смысл расстраиваться, если он ни разу в жизни не видел своего отца? Только спросил, кто папа по профессии. Узнав, что педагог, поскукнел (не иначе как представлял отца на более героическом поприще) и больше вопросов не задавал.

Елена очень радовалась тому, что в Рогачевске никто не знал подробностей ее неудачного романа со Станиславом и потому не может рассказать их Роме. Зачем ребенку знать о том, что родной отец настойчиво советовал его матери избавиться от него? Подробности знала только мать, но та, оберегая «семейную честь» (вот уж понятие из средневековой Италии!), держала язык за зубами. Мать вообще не любила делиться сокровенным с окружающими, даже в близком кругу подруг рассказывала только то, что считала возможным предать огласке. Невероятно, но ей удавалось на протяжении многих лет скрывать свой роман с заместителем директора энергетического колледжа Борисом Савельевичем Тертычным. Скрывать ото всех, в том числе и от детей. Это в Рогачевске-то, где о каждом чихе немедленно становится известно всему городу.

Елена узнала о романе матери только после ее смерти. Сначала удивилась тому, как горько рыдал во время похорон совершенно посторонний человек, а когда услышала проникновенный, можно сказать – родственный тост на поминках, то что-то заподозрила. Тертый уходил с поминок последним. Попрощавшись, вернулся с порога и, глядя на стоявший у окна портрет матери, рассказал, что они много лет были близки и он несколько раз предлагал матери пожениться, но она отказывалась. А встречались они в Твери, подальше от любопытных глаз. На такой конспирации настаивала мать. Конспирацию она соблюдала и после инфаркта. Разрешала Борису Савельевичу навещать себя только в отсутствие дочери и внука, причем просила приходить огородами, через заднюю калитку. Елена едва сдержала улыбку, представив себе, как солидный, представительный Борис Савельевич крадется огородами к ним домой, щуря близорукие глаза. Именно крадется, это по улицам ходят, а огородами можно только красться. Она так и не поняла, зачем матери понадобилось скрывать свой роман с Борисом Савельевичем, ведь никто бы в городе, за исключением самых безмозглых сплетников, не стал осуждать вдову за связь с холостым мужчиной. Однако же вот скрывала.

Елена свои романы скрывать не считала нужным. С женатыми мужчинами она принципиально дел не имела, а в отношениях незамужней женщины и неженатого мужчины ничего постыдного не видела. Дело житейское, обыкновенное и смотреть на него надо без ханжества. С другой стороны, она была не директором школы, как мама, а всего лишь владелицей кафе. Ей не надо было соответствовать эталону, ей бы никто не сказал: «Вот вы наших детей воспитываете, а сами...» Директор школы в маленьком городке – это не просто должность, это нечто большее, светлый образ, человек, который должен быть примером для всех на долгие годы.

Что бы сказала мама, узнав, что ее внук убил человека? Пусть без намерения, по неосторожности, но все-таки убил.

Впервые в жизни Елена подумала: как хорошо, что мама не дожила до сегодняшнего дня. Подумала и совершенно не ужаснулась своим мыслям.

6

Адвокатов в городе было немного, по пальцам можно пересчитать. Юрий Попыльков считался лучшим, и к тому же когда-то они учились в одном классе, поэтому Елена остановила свой выбор на нем.

– На ловца и зверь бежит! – воскликнул Попыльков, выходя из-за стола навстречу Елене. – А я, признаться, сам к тебе собирался заглянуть сегодня. Только пока не решил куда, домой или на работу.

Когда-то Попыльков был худеньким большеглазым мальчиком-одуванчиком с торчащими во все стороны вихрами. Начав адвокатскую практику, он с каждым годом набирал вес не только в переносном, но и в прямом смысле, и лысел. Одуванчик превратился в кабанчика, даже глаза жиром заплыли. «Как же время меняет людей», – подумала Елена и покосилась на свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа. Нет, она, кажется, не сильно изменилась. Во всяком случае, вширь не расплылась. Вдруг стало стыдно – о чем она думает, когда у нее такая беда? Елена нервно передернула плечами. Слова Попылькова ее не удивили, подумала, что, узнав о ее беде, адвокат решил предложить ей свои услуги первым, пока она не обратилась к кому-то из конкурентов.

– Присаживайся. – Попыльков указал рукой на одно из двух кресел, стоящих в углу и разделенных низким стеклянным столиком. – Чаю? Кофе? А то, может, коньячку?

– Спасибо, ничего не надо, – сказала Елена и села в кресло.

Попыльков уселся в другое, поерзал, устраиваясь поудобнее, подпер щеку пухлой ладонью и выжидающе посмотрел на Елену.

– Ты уже, наверное, знаешь... – начала она.

– Знаю, – кивнул Попыльков. – Я все знаю, кроме дня собственной смерти. Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Я уже второй день собираюсь с тобой встретиться, но все никак...

– Второй день? – удивилась Елена, потому что эта беда случилась только вчера – как Попыльков мог знать о ней заранее?

– Ну да, – кивнул Попыльков. – С учетом моей квалификации и нашего с тобой давнего знакомства меня попросили убедить тебя образумиться и начать трезво оценивать ситуацию.

– Так ты об этом, – догадалась Елена. – И кто же тебя попросил, Юра?

– Люди, которым мешает твое кафе, – ушел от прямого ответа Попыльков. – Ты пойми, лично против тебя никто ничего не имеет. Это просто бизнес, конфликт интересов. Тебе в свое время повезло заключить договор аренды на сорок девять лет, это так. Но сейчас ситуация изменилась. Городские власти продали здание, и у новых владельцев есть свои планы. Там будет элитный отель со своим рестораном. Согласись, что люди, заплатившие деньги за дом, имеют право пользоваться им по своему усмотрению. Логично же?

– У меня договор, – нахмурилась Елена. – И когда они покупали дом, они знали условия его продажи.

– Условия! – поморщился Попыльков. – Условия – это шаблон, проформа. Положено так, вот так и делают. Лен, ты же десять лет просидела на этом месте, давно отбила все стартовые расходы, набралась опыта и вообще... Какой смысл тебе упираться рогом? Уже дошло до того, что инфекцию в твоём кафе нашли...

– Так это мне устроил «Варрант»? – спросила Елена таким тоном, будто только что догадалась об этом.

– Я этого не говорил, – тут же ушел в оборону Попыльков. – Я имел в виду, что неприятности имеют обыкновение расти, как снежный ком. Одно тянет за собой другое... Мистика, карма, судьба – называй как хочешь. Ты в судьбу веришь?

Елена молча пожала плечами.

В судьбу и ее предназначения она верила, но без чрезмерного фатализма. Вся жизнь человека до мельчайшего шага наперед, конечно, не расписана. Но вот планка каждому установлена своя. И как ты ни разбегайся, как ни старайся, выше не прыгнешь. А может, это и не судьба вовсе, а скрытый потенциал, заложенный в каждом человеке. Американский новеллист О. Генри верно сказал, что дело не в дорогах, которые мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбирать наши дороги.

– А я верю! – как-то не очень искренне заявил Попыльков. – Устрани первопричину, исправь свою ошибку, и неприятности рассеются!

– Это как? – прищурилась Елена. – На меня уголовное дело завели, если ты не в курсе.

Попыльков снисходительно улыбнулся, давая понять, что он в курсе всего происходящего в городе.

– Уголовное дело – пустяк! – сказал он, подтверждая свои слова пренебрежительным взмахом руки, будто отгоняя назойливую муху. – Сегодня открыли, завтра закроют. Не ты первая, не ты последняя. Жизнь, Леночка, это танцы перед зеркалом. Ты делаешь шаг навстречу, и тебе делают шаг навстречу. Ферштейн?

Попыльков изменил позу – резко откинулся на спинку кресла, отчего оно жалобно скрипнуло, и посмотрел на Елену уже не ласково-увещающе, а снисходительно. От всего этого – от взгляда, позы, фамильярно-покровительственного «Леночка», но больше всего от этого хамского «ферштейн?» Елена пришла в ярость. Ей захотелось встать, сказать Попылькову пару неласковых слов и уйти, хлопнув дверью так, чтобы он подскочил в своем кресле. Но благоразумие и любопытство удержали ее от проявления эмоций. Проблемы, обрушившиеся на Елену, не располагали к ссоре с лучшим адвокатом Рогачевска. И еще ей хотелось узнать подробности про эти самые «шаги навстречу». Как можно закрыть ее дело?

– В Твери в больнице лежат двое вроде бы моих клиентов с диагнозом дизентерии, – сказала она, – а у меня в кафе нашли дизентерийную палочку. Какие после этого шаги навстречу?

– Могу объяснить. – Попыльков растянул толстые губы в улыбке. – Абстрактно-допустимо. Допустим, те двое тверичан, которые сейчас в больнице, на самом деле приезжали к нам. Допустим, на улице у одного из них сорвалась с плеча сумка и выпал из руки портфель. Допустим, что-то из вещей рассыпалось по тротуару. Они стали их собирать и вместе с вещами прихватили валявшийся на тротуаре чек из кафе «Старый город». Может ли чек из кафе валяться на тротуаре? Может. Чистота наших улиц пока еще оставляет желать лучшего. Потом они поели где-то, не у тебя, сами не помнят где, а когда в приемном отделении больницы их начали расспрашивать, где они были и что они ели, один из них нашел в сумке чек из твоего кафе и они «вспомнили», что ели там. Ну, ошиблись люди, бывает. Тяжелое состояние – температура, рвота, понос, в голове туман. А как пошли на поправку, вспомнили, что ели совсем в другом месте, где-то на окраине, но точно не в «Старом городе»...

– Тебе бы, Юра, сценарии писать, – усмехнулась Елена.

– Вот выйду на пенсию и займусь творчеством. – Попыльков притворился, будто не понял иронии. – Может, даже и на мемуары замахнусь. Но ты ошиблась, Лена. Я тебе не сценарий рассказываю, а план по разругиванию ситуации. Как только потерпевшие заявят, что ошиблись и сроду у тебя не бывали, уголовное дело придется прекратить. Нет потерпевших, нет дела. Потребнадзор наложит на тебя небольшой штраф за грязь в заведении, ты его оплатишь, и на этом дело будет закончено. Кстати, я могу избавить тебя от лишних проблем. У меня есть на примете человек, который может купить всю «начинку» твоего кафе, от мебели до посуды. Мужик строит павильон на набережной, у него каждая копейка на счету, поэтому новое оборудование он покупать не хочет, и если ты не станешь слишком ломить цену...

– Спасибо, Юра, я тебя поняла, – сказала Елена. – Я подумаю...

Попыльков вскинул левую руку так, чтобы рукав обнажил запястье, и многозначительно постукал холеным, немного длинноватым для мужчины ногтем указательного пальца правой

руки по циферблату наручных часов. Елена совершенно не разбиралась в марках дорогих часов, но была уверена в том, что марка часов Попылькова относится к числу самых респектабельных, а еще больше была уверена в том, что Попыльков носит на запястье искусно сработанную подделку.

– У меня сейчас есть более серьезная проблема... – Елена сделала паузу, ожидая реакции собеседника, но Попыльков никак не отреагировал. – С сыном. И я совершенно не понимаю, что мне делать. Мне кажется, что Рома меня обманывает, кажется, что все было не так...

Со слов сына, утром он собрался порисовать пейзажи. Взял складной мольберт и пошел на автобусную остановку, чтобы ехать в Поляново. Возле села Поляново в советское время был пионерский лагерь. В начале девяностых он закрылся, строения потихоньку приходили в упадок, все рассыпалось и зарастало травой. Желających приобрести такое «хозяйство» не находилось почти двадцать лет, но в начале прошлого года лагерь купил какой-то бизнесмен, не то из Твери, не то из Москвы. За год он привел территорию в порядок, снес все старые постройки, выстроил новые, и этой весной база отдыха «Поляново» уже принимала гостей.

Рома частенько наведывался в те весьма живописные места «на натуре». Однажды он познакомился с владельцем базы. Проходя мимо, тот заинтересовался, похвалил Ромин набросок и предложил Роме в любое время приходиться с мольбертом на территорию базы. Сказал, что присутствие художника облагораживает реальность. Рома охотно принял предложение, потому что с территории открывался прекрасный вид на озеро. Узнав о новом знакомом и его приглашении, Елена тайком от сына съездила в Поляново на разведку, увидела большую детскую площадку и множество детей разных возрастов и успокоилась – не притон вроде, а нормальное место для семейного отдыха. Знакомый охранник рассказал, что у Евгения Николаевича (так звали владельца) своя «концепсия», согласно которой он даже банкеты с корпоративами отказывается проводить, потому что не любит пьянок и шума. Елена подумала, что это очень правильное решение. Лет шесть назад они с Ромой отдыхали в пансионате близ Онежского озера. С понедельника по пятницу все было чудесно, но с вечера каждой пятницы начинался сущий ад с громкой музыкой и пьяными воплями, который длился до вечера воскресенья.

Итак, Рома собрался в Поляново, но по пути к автобусной остановке встретил своего одноклассника Леню Файбина, сына владельца привокзального рынка. Файбин-старший, больше известный как Веня-Болт, был из «завязавших» бандитов. С криминалом он, может быть, и покончил, но во всем остальном остался таким, каким и был. Бритая голова, привычка смотреть исподлобья, хамские манеры, мат через слово. Леня был уменьшенной копией папаши. Елене не очень-то нравилось, что сын общается с Леной, но поделаться с этим она ничего не могла. Как им не общаться, если они учатся в одном классе? Она успокаивала себя тем, что Рома умный и плохого не наберется, а еще тем, что с таким типом, как Файбин, лучше быть в хороших отношениях, чем в плохих. Ну и вообще, Роме надо учиться поддерживать хорошие отношения с разными людьми, это очень полезное умение.

Леня сидел за рулем отцовской «бэхи». Прав у него не было, но безбашенного парня это обстоятельство мало волновало. Он привык во всем надеяться на отцовский авторитет. Ну – остановят, ну – позвонят отцу, ну – даст тот затрещину... Удовольствие от езды стоит затрещины. Леня был единственным, довольно поздним ребенком, и отец с матерью души в нем не чаяли, баловали, как могли. Леня предложил Роме подвезти его до Полянова. Рома сел в машину. Когда они выехали за город, ему захотелось порулить. В школе в рамках допрофессиональной подготовки старшеклассники изучали автодело, и кое-какие навыки вождения у Ромы были. Кстати, компьютерный автомобильный тренажер школе подарил Файбин-старший. На спинке кресла красовалась латунная табличка с витиеватой надписью: «Дар бывшего ученика школы Вениамина Рудольфовича Файбина».

Дорога была пустой, Рома разогнался, увлекся, на скорости вошел в поворот и сбил женщину, переходившую через дорогу. Женщина ударилась затылком о валявшийся на обочине

камень и умерла на месте еще до приезда «Скорой». Ею оказалась шестидесятидвухлетняя пенсионерка, жительница Рогачевска, приехавшая на огород. Огороды были очень популярными в Рогачевске. Какой смысл строить дачу у себя на участке, если это находится в получасе езды от городской квартиры? Проще уехать ночевать домой, а утром приехать снова. Поэтому вместо дач на участках ставили небольшие сарайчики для инвентаря и честно называли свои владения не дачами, а огородами.

В отделении Елена больше молчала, чем говорила, боялась сказать что-то такое, что могло повредить Роме. Да и мысли в голове путались в пульсирующей боли комок: «Неужели?! Неужели?! Неужели?!» Она смотрела на сына, бледного, взъерошенного, растерянного, с трясущимся подбородком, и ей хотелось взять его на руки и унести домой, подальше от всего этого кошмара. Домой Рому отпустили, взяв подписку о невыезде, которая полностью называлась «подпиской о невыезде и надлежащем поведении». Строго предупредили, что если Рома хоть раз не явится по вызову, то ему изменят меру пресечения на содержание под стражей. Вскоре после Лены в отделение приехал Файбин-старший. Здесь он вел себя скромнее обычного, не быковал, не матерился, правда, не удержался от соблазна дать сыну оплеуху. Елене он сказал, что претензий за разбитую фару и поврежденный бампер предъявлять не будет. Елена никак не отреагировала на эти слова. Что ей был какой-то бампер в сравнении с тем, что ожидало Рому! «Ваше счастье, что женщина была одинокой, – сказал Елене дежурный капитан, когда они с Ромой уходили домой. – Меньше шума будет...» Елену больше ужаснул не столько цинизм, сколько спокойный тон капитана.

Домой шли молча, не глядя друг на друга. Елена крепко держала сына за руку, испачканную черной краской для снятия отпечатков пальцев, словно боялась, что он может убежать от нее. Но дома, едва закрылась входная дверь, Елена потребовала от Ромы рассказать правду. «Я вижу, что ты что-то скрываешь, – твердила она, тряся его за худенькие мальчишеские плечи. – Вижу! Чувствую!» Рома стоял на своем, то есть слово в слово повторял сказанное раньше. Разогнался, не притормозил, ничего не успел увидеть, только услышал звук удара. Остановился, оба выскочили, подбежали к лежавшей на земле женщине, Файбин вызвал «Скорую»...

Ужинать не стали, обоим было не до еды. Рома выпил две кружки чая с любимым своим вишневым вареньем, а Елена так накачалась кофе, что всю ночь глаз сомкнуть не смогла. Впрочем, она бы и без кофе не заснула... Такая беда... На фоне того, что случилось с Ромой, ее собственные неприятности отошли на задний план, стали чем-то мелким, незначительным, неважным...

– Я бы хотела попросить тебя. – Елена сглотнула подступивший к горлу комок. – То есть нанять тебя, чтобы ты защищал Рому...

Попыльков на секунду-другую поднял вверх ладони и отрицательно покачал головой. Елена успела заметить красноту его ладоней и подумала, что у Юры проблемы с печенью, пьет, наверное, много. О том, что при болезнях печени краснеют ладони, Елена вычитала в каком-то детективе. Сюжет давно забылся, равно как и название книги, а вот деталь засела в памяти.

– Нет, нет, нет, – повторил Попыльков, опустив руки. – Извини, но я твоего сына защищать не стану.

– Почему? – удивилась Елена. – Я же не по знакомству тебя прошу, а хочу нанять официально... Или ты хочешь сказать, что к тому, что случилось с Ромой, причастны «варяги»?

Будь в Рогачевске хоть какой-то выбор, она вообще бы не стала заводить с Попыльковым разговор о найме, обратилась бы к кому-то другому. Хотя бы из-за того, что Попыльков в ее собственном деле неофициально представлял интересы противоположной стороны. Но выбирать было не из чего. Из четырех прочих рогачевских адвокатов двое были запойными пьяницами, могущими сорваться в любой момент, одна занималась исключительно имущественными и наследственными спорами, а пятый по счету был приезжим откуда-то с Урала и каким-то непонятным. Офис Уральца (так его звали в городе) большую часть времени стоял закры-

тым, но в то же время он хорошо одевался, разъезжал в громадном черном «Лексусе», снимал четырехкомнатную квартиру в самой престижной новостройке Рогачевска и вообще жил на широкую ногу. Поговаривали, что Уралец представляет некую структуру, конкурирующую с «варягами» в деле «освоения» Рогачевска. Так что, как ни крути, кроме Попылькова, обращаться было не к кому. В своем деле Елена решила обойтись без адвоката, решила, что, если дойдет до суда, она станет защищаться сама, скажет все, что думает по поводу устроенной ей подлянки.

– Нет, – твердо сказал Попыльков. – «Варяги» тут ни при чем. Ты сама подумай – разве можно подстроить такое? Да и незачем им. Другое дело, если бы у тебя контрольный пакет молокозавода был, тогда еще да, имело бы смысл... – Попыльков шумно вздохнул и снова поерзал в кресле. – Ты пойми, Лен, я к тебе всей душой. Как говорится, «для милого дружка и сережку из ушка». Но сына твоего защищать не стану. Во-первых, ему и так защитника назначат, Мотыля или Коростылева, потому что он несовершеннолетний. Ему же шестнадцать, если я не ошибаюсь, верно?

Елена молча кивнула. Шестнадцать лет Роме исполнилось совсем недавно, первого июля.

– Плохо, конечно. – Попыльков выпятил нижнюю губу и качнул головой, изображая сочувствие. – Было бы меньше шестнадцати, ответственность была бы другой. Так что без адвоката твой сын не останется, можешь...

– Мотыль с Коростылевым – алкаши! – перебила Елена. – Одно только название, что адвокаты! А мне нужен человек, который смог бы разобраться в деле! Улавливаешь разницу?

– Во-вторых, – не обращая внимания на ее слова, продолжил Попыльков, – разобраться в этом деле нечего. Оно проще выеденного яйца, и как ни старайся, повернуть его не удастся. Есть труп, есть виновный, есть свидетель. Показания виновного и свидетеля, насколько я понимаю, совпадают. И твой сын признает, что он был за рулем в момент наезда. На руле отпечатки пальцев твоего сына нашли?

– Нашли, – кивнула Елена. – Но это же еще не означает...

– В совокупности – означает, – строго поправил Попыльков. – Чем я тут смогу помочь? Ничем. Только репутацию подпорчу, добавлю к списку проигранных дел еще одно. А у меня в этом списке, чтоб ты знала, пока всего три пункта. Это за все годы практики, так-то вот. По части первой статьи сто девять «причинение смерти по неосторожности» предусмотрено наказание до двух лет лишения свободы, но я думаю, что два года твоему сыну не грозит. Ограничением свободы, однако, он тоже не отделается, потому что сейчас идет кампания за наведение порядка на дорогах, а он у тебя, не имея прав, за руль сел – это отягощает. Так что готовьтесь к тому, чтобы расстаться на год. Год лишения свободы ему дадут. Моя интуиция, помноженная на опыт, почти никогда не ошибается.

– Год! – ахнула Елена.

– Про такой срок говорят: «На одной ноге перестоять»! – хмыкнул Попыльков. – Правда, по возрасту ему придется сидеть на «малолетке», а там нелегко, можно сказать, день за три идет. Но ничего, все решаемо. Подкатишься сразу же к администрации, попросишь, чтобы назначили на теплое местечко и дали поддержку...

– Год! – повторила Елена. – Это же тюрьма, Юра! Как ты можешь так спокойно говорить?! На одной ноге перестоять?! Сам бы попробовал так перестоять!

– Тьфу, тьфу, тьфу! – Попыльков, отвернувшись, трижды сплюнул через левое плечо, а затем наклонился и постучал костяшками пальцев по паркету.

– Это же вся жизнь под откос! – продолжала возмущаться Елена. – Да мало ли что там может случиться! Ты же сам только что сказал, что на «малолетке» день за три считать можно! Надо сделать так, чтобы Рому не посадили!

– Для этого сначала надо воскресить задавленную им тетку! – усмехнулся Попыльков. – Видишь, я дело не взял, а ты мне уже претензии предъявляешь, недовольство высказываешь.

Чего же бы я послушался, если б взял его? Влип твой сын, как есть влип. Я тебе сочувствую, но сделать ничего не могу. Только один совет могу дать.

– Какой? – всхлипнула Елена.

– Пусть он у тебя не теряет время даром, а пообщается с кем-нибудь из сидевших, чтобы быть в курсе лагерных правил и понятий. На «малолетке» к их соблюдению относятся крайне щепетильно. Можно чисто по незнанию косяк упороть и сильно за это пострадать.

На глаза Елены навернулись слезы, а из горла вырвался крик, похожий на протяжный стон. Она поднялась и выбежала из кабинета. В тесной приемной чуть было не сбила с ног попыльковскую секретаршу, пухленькую девицу с платиновыми волосами.

– С нашим делом не затягивай! – крикнул ей вслед вышедший в коридор Попыльков. – Люди ждут!

Елена никак не отреагировала. В туалете она долго умывалась холодной водой, потом долго приводила лицо в порядок и все это время думала о том, что ей делать дальше. Выйдя на улицу, она достала из сумки телефон, позвонила брату и, когда тот ответил, сказала, забыв поздороваться:

– Игорь, приезжай срочно. У меня беда. Подробности не по телефону.

– Вечером буду у вас, – ответил брат так, будто срочные вызовы сестры были для него в порядке вещей.

7

– Дела-а-а, – сказал Игорь, – выслушав обстоятельный, но в то же время сумбурный, с забегами вперед и возвращениями назад, рассказ сестры. – Кто бы мог подумать...

Елена сначала собиралась рассказывать после того, как накормит брата, но тот, едва сев за стол, выжидательно посмотрел на нее – давай, мол, выкладывай скорее. Игорь, каким бы голодным он ни был, всегда ел неторопливо, смакуя каждый кусочек, поэтому Елена успела закончить к началу чаепития.

– Никто! – резко ответила Елена, ожидавшая от брата поддержки, а не этих старушечьих сетований; от выражений вроде «кто бы мог подумать» ее в последнее время начинало тошнить, слишком уж часто приходилось их слышать.

– Адвоката я Ромке найду. – Уловив невысказанный упрек, Игорь заговорил по-деловому: – Считаю, уже нашел. Среди моих постоянных клиентов есть несколько адвокатских контор. Я после последнего кризиса решил заняться обслуживанием локальных компьютерных сетей.хлопотное дело, конечно, но зато стабильное. Да и время сейчас такое, что каждая копейка дорога. Поэтому знакомые у меня есть во всех сферах. Если хочешь, я тебе и частного детектива могу присоветовать. Не для Ромки, а для тебя. Если ты уверена, что тебя подставили, есть смысл копнуть глубже. Вдруг что-то выяснится. Я вообще не понимаю, почему ты сидела сложа руки? На что ты вообще рассчитывала? Что дело закроют? Или в душе уже решила съехать, но никак не можешь сделать последний шаг, дать отмашку?

– Не хочу я съезжать. – Елена сделала паузу, в который уже раз прислушиваясь к себе, и повторила более твердо: – Не хочу, потому что не могу. Но, с другой стороны, все уже зашло так далеко, что Юрка Попыльков сегодня предложил мне продать мебель, оборудование и вообще все-все какому-то его знакомому, который собирается открывать заведение на набережной...

– Я вообще не понимаю, зачем ты ходила к этому прохиндею! – нахмурился Игорь, не выносивший Попылькова со школьной поры, что-то между ними было, какая-то занозистая мальчишеская ссора.

– На безрыбье и рак рыба, – ответила Елена. – Ты, кажется, забыл наши реалии.

– Как с трассы свернул, сразу же все вспомнил, – усмехнулся Игорь. – Чуть глушителя не лишился. Туристический бум, а дорога безобразная!

– Ну, тогда ты должен понимать, что больше мне не к кому было обращаться. Тем более что Юрка ловкий адвокат и гонорары свои отработывает на совесть.

– Тогда почему ты не пошла к нему две недели назад? – Игорь осторожно отхлебнул чаю и поморщился. – Что-то ты настоящий чифирь заварила, я такой крепкий не пью.

– Раньше вроде пил. – Елена встала из-за стола, взяла коробок со спичками, чиркнула одной, зажгла конфорку и поставила на нее чайник. – Хочешь, я тебе зеленого заварю, с жасмином, он совсем некрепкий, но ароматный? Правда, из пакетика.

– Хочу, – ответил брат, пристально глядя на стоящий на плите чайник. – Только я сам заварю, ладно?

Елена догадалась, о чем он сейчас думает. Сама подумала о том же. Настроение, и так опустившееся до отметки «хуже некуда», рухнуло в тартарары.

– В последнее время что-то мотор барахлить начал. – Игорь постучал кончиками пальцев по левой половине грудной клетки. – Доктора сказали, что ничего страшного нет, но посоветовали беречься. Вот и берегусь.

Брат сильно изменился – полысел, располнел, правда, не до такой степени, как Попыльков, но лицо утратило четкий мужественный контур, взгляд потускнел, стал каким-то грустным. А может, не грустным, просто уставшим, ведь ему после рабочего дня пришлось проехать сто семьдесят километров. Елена запоздало пожалела о том, что к приезду брата не истопила

баню, но тут же подумала, что это, наверное, к лучшему. При проблемах с сердцем в бане делать нечего.

Чай Игорь заваривал так – макнул пакетик в кипяток, коротко дернул за ниточку и спустя секунду вытащил его обратно. Вода окрасилась в бледно-желтый цвет – хорош чаек, ничего не скажешь.

– Ты от вопроса не уходи, – сказал брат. – Чтобы помочь, я должен представлять не только ваши расклады, но и ход твоих мыслей.

– Сначала я думала, что в городе поднимется шум, меня же тут все знают, и эта история лопнет как мыльный пузырь. – На нервной почве у Елены похолодели пальцы, такое с ней бывало, желая согреться, она обхватила руками свою чашку. – Но быстро поняла, что ошибаюсь. Близкие знакомые мне сочувствовали, Лариска Горюнова даже написала гневное письмо в газету, требуя опровержения, а остальным было по фигу...

– Горюнова? – оживился Игорь. – Она разве в Рогачевске?

Лариса Горюнова была лучшей подружкой Елены. Они дружили страшно сказать сколько лет – с младшей группы детского садика. Одно время, классе в десятом, Игорь пробовал ухаживать за Ларисой, но из этого ничего не вышло. Трудно ухаживать за девушкой, которая дружит с твоей сестрой и воспринимает тебя примерно как старшего брата. Лариса с удовольствием гуляла с Игорем по набережной, ходила с ним в кино, но как только Игорь пробовал зайти чуточку дальше, смеялась и говорила своим густым контральто: «Игорек, ты что? Мы же с тобой почти родственники!» А затем в подробностях пересказывала все Елене, которая нет-нет да и подпускала брату шпильку по поводу его незадачливого ухажерства. Окончив школу, Лариса уехала в Питер, учиться на артистку, выучилась, несколько лет играла в театрах, снялась в парочке фильмов, правда, в неглавных ролях, вышла замуж, развелась, а потом вдруг вернулась домой. Причину такого поступка не знал никто. Даже Елене Лариса говорила, что ей просто надоело в шумном суетливом Петербурге, потянуло домой, в глушь, в тишь. Елена чувствовала, что Лариса чего-то недоговаривает, совсем как Рома сейчас, однако с распросами не приставала. Да к Ларисе и не стоило приставать – пошлет куда подальше, у нее с этим было быстро.

Вернувшись домой, Лариса сразу нашла себе занятие, организовав при городском Доме культуры имени Луначарского народный театр «Маски». Точнее, это городская администрация с подачи Ларисы решила обзавестись своим театром, а Лариса стала его главным и единственным режиссером. Рогачевцам очень понравилось, что у них теперь есть свой театр, в котором играют свои же, знакомые люди, поэтому на спектаклях неизменно были аншлаги. Способствовали популярности и прочие обстоятельства – премьеры Лариса выдавала по несколько раз в год, к декорациям относилась очень придирчиво, а билеты стоили смешные деньги – от ста рублей за место в первом ряду до тридцати за место в последнем. К тому же у Ларисы было «культурно» – пьяные и неопрятно одетые в зрительный зал не допускались, а тем, кто рисковал достать из кармана семечки, грозило едва ли не вечное отлучение от зрелищ, или, как выражалась Лариса, «пожизненный бан». «Я такая счастливая! – говорила Лариса, закатывая глаза. – Ах, какая же я счастливая! Любой столичный режиссер удивится за такие аплодисменты, которые слышу я в конце каждого спектакля!» Лариса конечно же лукавила и понимала, что лукавит, потому что, когда на сцене играют соседи-приятели, аплодисменты просто не имеют право не быть оглушающе бурными. Театром Лариса занималась для души, потому что ставка у главного режиссера была копеечной, а на жизнь зарабатывала проведением свадеб и прочих торжеств как в Рогачевске, так и в Твери. Деловое расписание у нее обычно было забито на три месяца вперед.

Узнав о Елениных проблемах, Лариса сразу же предложила ей «послать кафе к чертям» и заняться организацией праздничных застолий. «У людей перед свадьбами и юбилеями головы кругом идут, – сказала она. – Большинство с удовольствием заплатят за то, чтобы им

поднесли банкет на блюдечке с золотой каемочкой. Тем более что ты, как профи, будешь выбирать от кабаков хорошие цены и станешь следить за тем, чтобы все было путем». Елена отказалась. Она на своем опыте знала, сколько претензий возникает после банкетов. Даже у нее, истово соблюдавшей все условия и никогда не мухлевавшей с едой или напитками (репутация создается годами, а рушится в одночасье), каждый третий банкет сопровождался какими-нибудь обвинениями.

– В Рогачевске, – ответила брату Елена. – Руководит театром, проводит торжества, собирается детскую студию организовать.

– В театре? – удивился Игорь. – У нас разве есть театр?

– Уже есть, – с гордостью за город и за подругу сказала Елена. – Но если ты станешь отвлекать меня вопросами, я тебе так и не расскажу, что я думала и в чем ошибалась. Я уже забыла, на чем остановилась...

– На том, что Лариска написала в газету письмо.

– Да-да, – кивнула Елена. – Письмо осталось без ответа. Лариска хотела сказать пару ласковых слов Маше, журналистке, которая обкакала меня в «Вестях», но я ее упростила этого не делать. Машу не проймешь, она бессовестная, из всего умеет извлечь пользу и сделать из мухи слона тоже умеет. Напишет, что я подсылаю к ней бандитов или еще что-то в этом духе. Потом я подумала, что главное – пережить этот наезд. Да, он большой, не катком, а танком, можно сказать, на меня наехали, такую комбинацию составили, в потребнадзоре чуть ли не все начальство подкупили, но такое проходит один раз. Если «варяги» попробуют устроить мне нечто подобное через месяц, а что они могут, кроме инсценировки отравления...

– Пожар, – сказал Игорь.

– Не вариант, – покачала головой Елена. – Пожар мне по большому счету на руку, потому что у меня очень хорошая страховка. А вот «варягам» он не нужен. У них есть виды на это красивое старинное здание, как я сегодня узнала, они планируют открыть там отель. Если поджечь кафе, то через полчаса от здания останется только часть фасада, потому что перекрытия и перегородки деревянные, дерево старое, сухое, вспыхнет как порох. Проверками меня тоже не сильно достанешь, потому что у меня все в порядке. Нет, «варяги» могут только отравления инсценировать, других вариантов у них нет.

Пальцы согрелись, Елена выпустила чашку из рук. Она почти ничего не съела за ужином и чая совсем не хотела. Вот коньяку или какого-нибудь ликерчика выпила бы с удовольствием, но этого делать не стоило. Начнешь лечить нервы спиртным, не заметишь, как сопьешься, тем более что наследственность с отцовской стороны была явно отягощенной. Дед, по рассказам матери, пил запоями и во хмелю был очень буйным, у отца запоев не было, но без бутылки он ужинать не садился. Правда, в отличие от деда, выпив, добрел. Елена его таким и запомнила – веселым и немного навеселе. Таким он был в последний день своей жизни. По субботам и воскресеньям отец выпивал стопку-другую-третью и за обедом.

– Логично, – кивнул Игорь, отхлебывая из чашки и жмурясь от удовольствия. – Вот это – правильный чай. Что ты улыбаешься? Светка тоже смеется, а у меня от крепкого чая сердце из груди выпрыгивает.

– Я тебе улыбаюсь, – ответила Елена. – В кои-то веки свиделись. Жаль, что по такому печальному поводу. Ладно, слушай дальше... Город у нас маленький, все на виду. Если потребнадзор и полиция начнут показательно докапываться до меня каждый месяц, то это непременно вызовет разговоры и определенный интерес. Отношение к взяткам изменилось, сейчас это уже не «милые шалости», а серьезное преступление. В Монаковском районе этой весной арестовали главу администрации и двух его заместителей. У нас начальница отдела по управлению имуществом за взятку пять лет получила, а начальник отдела архитектуры и градостроительства – все восемь. Под амнистию не попали, сидят оба. Так что во второй, а тем более в третий раз вряд ли кто-то станет связываться с «варягами», потому что себе дороже. Десять

лет не трогали Гурбину, а теперь каждый месяц у нее ЧП? Наводит на размышления? К тому же я на всякий случай жалобу в областной потребнадзор написала. Пусть знают, что я молчать не собираюсь.

– Может навести на размышления, – осторожно ответил Игорь. – Ты права, чиновничий беспредел уже в прошлом. И ты, как я догадываюсь, решила стойко выдержать удар?

– Да, именно так. Я могу позволить моему кафе какое-то время не работать, по уголовному делу мне светил штраф, правда, крупный, но его, насколько я понимаю, можно выплачивать частями. . . Судимость? – Елена обреченно махнула рукой. – Ну и пусть! Все же знают, за что я ее получила. К тому же до судимости может и не дойти. Я порылась в Интернете, изучила приговоры по схожим делам и узнала, что очень часто дело заканчивается оправданием. Наказание преимущественно получают те, кто допускал нарушения систематически или не принимал мер к наведению порядка, не отстранял сотрудников, которые были носителями инфекций. А у меня все сотрудники здоровы и нарушений сроду не было. Так что может и пронести. Черт с ними, думала – выстою! Выстою, продолжу работу, быстро покрою все убытки. Клиентуру растерять не боялась. Люди же не дураки, понимают, что к чему, видят, откуда дует ветер. . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.